
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 16 АПРЕЛЬ 1986

ЗАРЯД УСКО

ПРЕБЫВАНИЕ М. С. ГОРБАЧЕВА В КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

7 апреля из Москвы в Куйбышев отбыл Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

На аэродроме его провожали члены Политбюро ЦК КПСС Г. А. Алиев, В. И. Воротников, А. А. Громыко, Л. Н. Зайков, Е. К. Лигачев, Н. И. Рыжков, М. С. Соломенцев, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, другие товарищи.

В аэропорту города Куйбышева М. С. Горбачева встречали первый секретарь обкома КПСС Е. Ф. Муравьев, члены бюро Куйбышевского обкома партии, руководители ряда министерств и ведомств.

Генеральный секретарь ЦК КПСС возложил цветы к памятнику В. И. Ленину. Затем цветы легли к монументу Славы — символу трудовой и ратной доблести тружеников города.

С первых минут пребывания состоялись деловые и откровенные беседы с трудящимися. Они начались на одной из главных магистралей — улице Куйбышева.

У монумента Славы состоялась беседа с ветеранами партии и труда, почетными жителями города Куйбышева, представителями молодежи.

Мы, сказал М. С. Горбачев, начали в канун съезда, а на съезде закрепили — открыто все обсуждать, поддерживать все хорошее, воздавать должное всем, кто честно трудится, а о тех, кто хотел бы постоять в сторонке или переминаться с ноги на ногу, тоже говорить открыто.

Около двух часов продолжалась встреча в цехах Металлургического завода имени В. И. Ленина. Делегат XXVII съезда КПСС крановщица З. Белова, вальцовщик А. Яшин, резчица Р. Самаркина и другие рассказали, что весь коллектив воспринимает решения съезда как конкретную рабочую программу. Она реализуется в планах вывода предприятия на качественно новый уровень, на реконструкцию, которая уже сейчас вступила в четвертый этап.

М. С. Горбачев поднимается на пульт управления станом холодной прокатки. Здесь состоялась беседа с бригадиром А. Обидиным.

Уезжая с завода, М. С. Горбачев поблагодарил коллектив за теплую, сердечную встречу. Я очень доволен, сказал он, что побывал у вас. Хороший завод. И мне нравится, что вы все время думаете о том, как сделать его лучше.

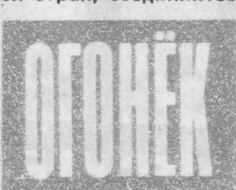
Во время посещения Металлургического завода имени В. И. Ленина.

Телефото ТАСС

РЕНИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

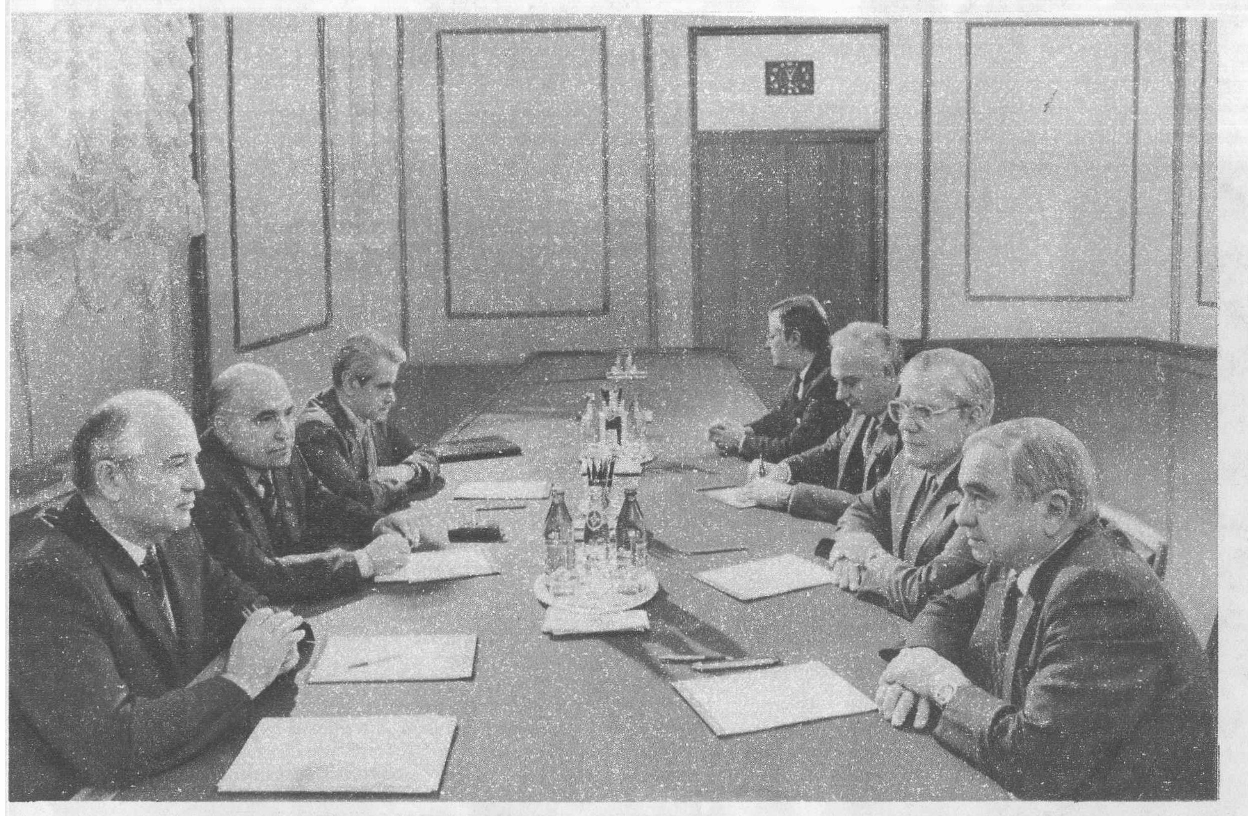
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 16 (3065)

12—19 АПРЕЛЯ

БЕСЕДА М. С. ГОРБАЧЕВА С Д. ФЭСЕЛЛОМ И У. БРУМФИЛДОМ

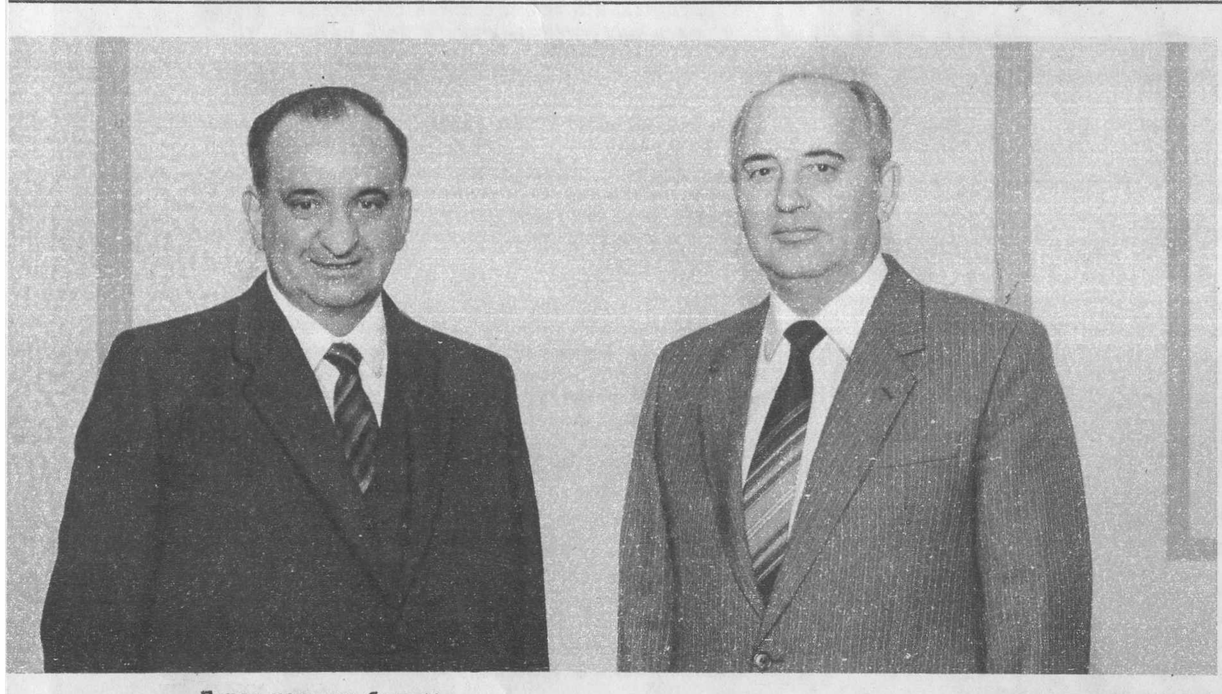
Во время беседы. Фото ТАСС

4 апреля Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев принял в Кремле находившихся в Советском Союзе по приглашению комиссии по иностранным делам Верховного Совета СССР председателя комитета по иностранным делам палаты представителей конгресса США демократа Д. Фэсела и конгрессмена-республиканца У. Брумфилда.

М. С. Горбачев дал развернутую оценку состояния советско-американских отношений после женевской встречи в верхах, напомнил и объяснил мотивы выдвинутых Советским Союзом в этот период предложений и мер, направленных на то, чтобы закрепить атмосферу встречи в Женеве и начать осуществление на практике сделанных там совместных заявлений и достигнутых договоренностей.

Было выражено обоюдное стремление к советско-американским контактам в различных сферах, чтобы лучше и правильнее знать друг о друге, высказано убеждение в необходимости продолжать начатый в Женеве диалог на высшем уровне, но диалог результативный, предусматривающий конкретные шаги по прекращению гонки вооружений и устранению опасности ядерной катастрофы.

БЕСЕДА М. С. ГОРБАЧЕВА С Ф. ЗИНОВАЦЕМ

Перед началом беседы. Фото ТАСС

2 апреля Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев встретился в Кремле с федеральным канцлером Австрийской Республики Фредом Зиновацем, находившимся в Москве по случаю открытия австрийской промышленной выставки.

В деловой и доброжелательной атмосфере М. С. Горбачев и Ф. Зиновац обсудили широкий круг вопросов.

М. С. Горбачев подчеркнул важную роль Австрии, других нейтральных и неприсоединившихся стран в усилиях, направленных на сохранение мира и оздоровление международных отношений.

Федеральный канцлер отметил конструктивный характер и мирную устремленность советских инициатив и высказал надежду, что на советско-американских переговорах наступит, наконец, перелом, и ожидания, которые вызвала во всем мире встреча в Женеве, не останутся напрасными.

Было подтверждено обоюдное намерение активно содействовать продолжению общеевропейского хельсинкского процесса.

ФОРУМ БОЛГАРСКИХ КОММУНИСТОВ

5 апреля в Софии завершил работу XIII съезд Болгарской коммунистической партии. В течение четырех дней в зале народного Дворца культуры делегаты обсуждали отчет Центрального Комитета БКП, речь Генерального секретаря ЦК БКП Т. Живкова, тезисы съезда по главным направлениям социально-экономического развития страны. В выступлениях на партийном форуме получила всеобщую поддержку генеральная линия Болгарской компартии в области внутренней и внешней политики.

В работе съезда принимали участие делегация КПСС во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР Н. И. Рыжковым, делегации коммунистических и рабочих партий, социалистических и социал-демократических партий, революционно-демократических и национально-освободительных движений.

На первом заседании вновь избранного Центрального Комитета БКП Генеральным секретарем ЦК БКП избран Тодор Живков.

Во время открытия съезда.

Телефото ТАСС

МАЛЕНЬКИЙ ПОСОЛ МИРА

Снимки русоголовой забавной девчушки в течение двух недель кочевали по страницам американских газет, за ней охотились команды телевизионных репортеров.

В один из дней Катя Лычева появилась в небоскребе Организации Объединенных Наций и, заглянув в зал Совета Безопасности, уютно устроилась там в кресле постоянного представителя СССР. Для Кати Лычевой это не чужое место. Недаром ее окрестили «маленьким послом мира». Московская школьница путешествовала по Соединенным Штатам, рассказывая американским сверстникам о своей стране.

Из знаний рождается доверие. Из доверия — мир. Именно этим руководствовалась американская организация «Дети как миротворцы», когда пригласила советскую девочку в эту необычную поездку по пяти городам Америки от Нью-Йорка на Восточном побережье до Лос-Анджелеса на Западном.

Когда Катя Лычева пришла на экскурсию в Белый дом, в одной из его комнат наткнулась она на высокого улыбающегося человека. Как разъяснил позднее заместитель пресс-секретаря Белого дома, встреча была «случайной». Сама Катя так рассказала об этом:

— Утром мы пошли в Белый дом, смотрели там комнаты и гуляли по саду. Потом была еще какая-то комната, и туда вдруг вбежала собака жены президента. А потом вышел г-н Рейган. Мы с ним говорили, я подарила ему игрушку, а он пожал мне руку. Когда я дарила игрушку, то сказала ему, что дети хотят мира. Дети не могут счастливо жить на Земле, пока есть ядерное оружие. Все ядерное оружие надо уничтожить до того, как мы вырастем.

Зрелые, взрослые мысли. Трудно, однако, предположить, что президент прислушался к мнению будущего поколения американских и советских людей, от имени которых говорила Катя Лычева. Во всяком случае, Р. Рейган тут же отбыл в Новый Орлеан, где произнес речь, не отличавшуюся миролюбием, стремлением упрочить международное доверие, дух Женевы.

Но Белый дом — еще не вся Америка. И в этой другой Америке советская школьница легко нашла общий язык, общий повод для улыбки вместе с американцами, предпочитающими доверие между Западом и Востоком «холодной войне».

«Детский поход за мир: Лычева приезжает в Чикаго!», «Московская девочка очаровывает своих хозяев в школе Бруклина!» — такими заголовками сопровождали американские газеты Катю в ее двухнедельном маршруте. Репортеров, конечно, интересовало, какое впечатление произвела на юную путешественницу Америка. Как Катя представляла ее и какой она оказалась?

Ответ был неожиданным:

— Как я думала, такая она и есть. Котлета в ресторане «Макдональд»? Нет, котлета не понравилась. Понравилась картошка, такая же, как у нас в Москве. Немножко не так представляла себе американских корреспондентов. Про меня написали, будто я занимаюсь борьбой за мир с пяти лет, да еще правительство платит мне деньги. Это неправда.

Антисоветизм не смог сдержать себя даже в общении с детством. В советском посольстве в Вашингтоне можно почитать письма, где советской девочке всерьез угрожают расправой. Если невинный ребенок становится предметом ненависти, то сколько же накопилось ее у тебя, Америка?

Круглосуточная антисоветская реклама, поток кинобоевиков по телевидению, где американский «неопатриот» взрывает, расстреливает, выжигает напалмом орды «красных»,— все это не просто развлекательный эскапизм, как уверяют иные здешние социологи. Это попытка искалечить душу американского народа.

Тем более важно, когда Советский Союз предстает перед американцами в образе Кати, готовой дружить, смеяться и отстаивать свое право на жизнь без войны. «Маленький посол мира» вручил Америке свою верительную грамоту.

Владимир СИМОНОВ,
соб. корр. АПН

Нью-Йорк.

«Маленький посол мира» вернулась в Москву. На снимке, сделанном в аэропорту Шереметьево (слева направо): отец Кати А. Лычев, Катя, ее мама М. Игнатьева, секретарь Советского комитета защиты мира Е. Оскольский, бабушка Кати О. Игнатьева.

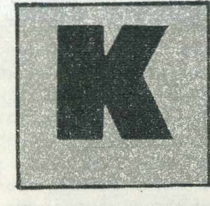
Фото А. Бочинина

В. КУЗНЕЦОВ,
собкор «Огонька»
Фото автора

ГЭС и ЛЕС

ГОРЬКИЕ СТРОКИ СТРОИТЕЛЬНОЙ ПРОЗЫ | **ПОВТОРЯЯ СТАРЫЕ ОШИБКИ** | **ЛЕСА В ЛОЖЕ ВОДОХРАНИЛИЩ** | **КОМУ ЖЕ ЭТО ВЫГОДНО!**

Каньон Таланканского ущелья. Сюда под тяжестью пятидесятиградусных морозов провалилась Бурея. Когда стылое солнце нехотя запустит гребень лучей в шевелюру приамурской тайги, зима отступит. И Чеугда, поселок лесорубов, встретит тишиной и добродушием. Будет уютный дом начальника Чеугдинского лесопункта Николая Петровича Ерзамаева. Хозяин четверть века проработал в лесу. В печи потрескивали смолистые дрова. Стол с мороженой брусникой и крепким гуранским чаем, забеленным молоком. Потряс болью рассказ Ерзамаева:

— Пока живем здесь. Сознание противится пониманию, что скоро растает все, чем живы люди в тайге. И тайга, и Чеугда уйдут под бурейскую волну. Нет, не только из жалости к жилищу говорю, хотя жаль расставаться с гнездом... Комок к горлу подступает от мысли, что здесь может повториться зейская трагедия. Давят и собственная причастность к недоброму делу, и бессилие остановить наступление на уникальный край.

Так в поэзию первенца дальневосточной гидроэнергетики влились горькие строки строительной прозы. Почему радость амурчан оборачивается слезами? Не преувеличивает ли Николай Петрович, причисляя к жанру трагедии сегодняшний день Зейского водохранилища?

Для работы Зейского гидроузла проекты потребовали затопить более двухсот тысяч гектаров земли! А на такой площади специалисты насчитали четыре с половиной миллиона кубометров товарного леса, то есть деловой древесины.

«В терминологии гидростроителей и лесозаготовителей вырубка товарного леса в зонах затопления именуется лесосводкой. Под эту графу попадает древесина толщиной на полутораметровой высоте более двенадцати сантиметров, с запасом на гектар не менее шестидесяти кубометров».

(Из разъяснения генерального директора объединения «Дальлеспром» В. Я. Рунника.)

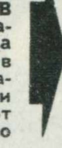
Проектом, разработанным ленинградским институтом «Гидропроект», предусматривалось вырубить и вывезти только товарный лес, оставляя на корню тонкомеры и лиственные породы. «Неделовое» дерево обрекалось на гибель под водой. Отгремела медь победных реляций, забурлила у плотины зейская вода, агрегаты гидростанции начали вырабатывать электроэнергию. Хорошо. Но на верхнем бьефе произошло то, о чем предупреждали противники проекта с затоплением «неделового» леса. Деревья умирали под водой стоя. И вместе с водой замерзали, а веснами льдины рвали их, выламывали, влекли за собой. Все было так, как и предусмотрено проектом: «С течением времени оставленный лес вымирает, а приплывшие к плотине единичные топляки зачаливаются специально установленными для этой цели кранами и транспортируются на берег». Ах, какое спокойствие...

«Увы! Сегодня Зейское водохранилище напоминает минные поля Моонзунда в период первой мировой войны. Плавающий лес создает аварийную обстановку работающим теплоходам. Часто случаются аварии. За навигацию пассажирское судно на подводных крыльях «Метеор» десяток раз меняет разбитые топляками винты».

(Из разговора с А. М. Суховым, начальником Амурского речного пароходства.)

Стоимость одного винта с заменой — 620 рублей.

«Берег по периметру водоема захламлен бросовым лесом, к нему практически невозможно подойти ни с воды, ни с земли. В воде процентное содержание фенола превышает норму — результат разложения растительных остатков. В воздухе рядом с плотиной ощущается наличие сероводорода. Вода содержит до сотни миллиграммов взвешенных частиц в литре, забивает жабры рыб. Работники Зейского заповедника фиксируют гибель тайменя, жабры которого

набиты илом и хвоей лиственницы».

(Из беседы с И. В. Ворониным, начальником Зейской обсерватории Дальневосточного территориального управления по гидрометеорологии и контролю природной среды.)

Сколько создано в Сибири водохранилищ за последние лет тридцать? Какова их площадь и сколько леса поглощено водой? Цифры фантастические. А значит, и беды, нанесенные природе, велики. Главными виновниками можно считать проектировщиков. Ибо удешевление любого проекта имеет немаловажное значение при его защите. Спору нет, экономия — дело хорошее, но знать надо было, чем обернется каждый сэкономленный рубль! Очистка ложа водохранилища подняла бы стоимость гидроузлов. Выгодно ли это Министерству энергетики? Проще доказать «экономическую невозможность» и родить разграничения на лесосводку и лесоочистку. Минлесбумпрому удобны условия по деловой древесине «не менее шестидесяти кубометров на гектар». А если пятьдесят? Выгодна такая экономика только заинтересованным ведомствам. И на проектах появляются резолюции типа: «Полная очистка нерентабельна»...

Затраты на подготовку водохранилищ для гидроузлов несут, делят между собой Минэнерго и Минлесбумпром. И только потом к «испеченному пирогу» подступает Министерство мелиорации и водного хозяйства. Мелиораторы призваны быть хозяевами водоемов, а уж они-то не могут пожаловаться на недостаток финансирования. Почему бы в проектной смете гидросооружений не учитывать средства будущих хозяев? И, конечно, деньги, выделяемые на охрану окружающей среды? Лучше раньше, чем поздно или никогда.

Хозяин Зейского водохранилища — Министерство мелиорации и водного хозяйства РСФСР. Объявился он ровно через десять лет после рождения «моря»...

«Хозяина водохранилища мы разыскали, хотя лично я не видел представителей этого управления, а вот справится ли он с лесом, который продолжает загрязнять водоем? Без вмешательства Минлесбумпрома не решить этой задачи. Ибо на их лесоперевалочном комбинате скапливается лес. ЛПК не успевает перерабатывать заготовленную древесину, и она гниет, теряя качество, а объемы заготовок и рост леспромхозов планово наращиваются. Правда, Минлесбумпром обещал разгрузить Зейское водохранилище через БАМ. Но когда? В конце пятилетки, когда построят на севере «моря» эстакады перевалочной базы?»

(Так считает В. К. Федоров, первый секретарь Зейского райкома КПСС.)

Итак, в приказах службы эксплуатации водохранилищ республиканского министерства уже значится новое управление — Зейское. А когда же будет Бурейское? Опять дитя рождается сиротой. Споры вокруг его создания между лесниками и гидростроителями достигли апогея. Энергетики не дают лесникам средств на создание дополнительных мощностей, не строят для них жилья, не делают дорог и перевалочных складов. Лесники не чистят ложе водохранилища. У них свои планы. Свои для лесоповала лесосеки. Вот тут-то нужен третий, собственно хозяин будущего «моря», который способен развести спорящие стороны, помощь оказать и спросить серьезно с того, кто строит.

Пока человек будет стоять за лес, лес постоит за людей. Вопрос не в том, рубить или не рубить, а в том, как рубить. Лозунг «Каждое срубленное дерево — в дело!» прибит к живой лиственнице и с ней уходит под воду...

В поездке нас окружали бурейские молодые сосны и вековые лиственницы, стройные березы и хрупкие осины. Лес — в пакетах, кубометрах. Лес — в разговорах об экономике. Лесорубы стараются. В прошлом году «Дальлеспром» заготовил более двадцати миллионов кубометров древесины. Это без самозаготовителей, то есть без того, что вывезли расторопные дровосеки, посланные в тайгу колхозами, совхозами и предприятиями, нуждающимися в пиломатериалах. О них напоминаю не случайно. На талаканских дорогах нам встречались возы леса, «запряженные» и в мощные «Кировцы», и в легкие «Беларуси», и в быстрые «ЗИЛы». Во всех возках был только сортиментный лес — бревнышко к бревнышку, по пять-шесть метров длиной, то, что нужно для строительства. А вершки и корешки брошены на лесосеках, в зоне водохранилища.

Сегодня лес в ложе будущего «моря» берут представители пяти районов Амурской области. Им разрешено брать только строевые кубометры. А почему? Не пора ли отказаться от традиционных «кубиков»? Не пора ли измерять спиленное и вывезенное мерами веса? Так давно делается в Надворнянском лесокомбинате Ивано-Франковской области. Урезонить самозаготовителей может Агропром, если объединить бригады добытчиков в хозрасчетные леспромхозы, которые обеспечат село не только пиловочником, но и щепой, древесностружечной плитой. Смогут, поставят на поток изготовление витаминной муки из хвои.

Благие намерения безотходной переработки леса у дальневосточников пока остаются на бумаге. В чертежах и планах... И не потому, что не хотят, — нет мощностей. Предприятия устарели настолько, что с трудом выжимают половину плана. План по технологической щепе из года в год не выполняет и «Дальлеспром». Самый лесной на Дальнем Востоке Хабаровский край не имеет производства древесностружечной плиты, основного сырья для производства мебели.

По справке, выданной мне директором строящейся Бурейской ГЭС А. И. Смирновым, намечено убрать товарных насаждений два миллиона двести тысяч кубометров. Подчеркиваю: деловой древесины! Остальной запас, как и в Зейском водохранилище, обречен. На Амурскую область выпало полтора миллиона ликвидного запаса леса. Весь план навалили на плечи одного Бурейского леспромхоза, а точнее, на один лесопункт — Чеугдинский.

О том, что на Бурее в районе поселка Талакан будут строить гидростанцию, было известно давно. Очень давно. Десять лет назад там высадился первый десант гидростроителей. А лесники?

К вырубке леса в зоне водохранилища до сих пор не приступили.

«Мы пытались добиться разрешения на порубочные работы в зоне затопления еще в десятой пятилетке... Нам отказали. Из-за отсутствия документации. Теперь своими силами убрать лес из зоны затопления не успеваем. Заготовители вынуждены думать, как взять лес из воды».

(Рассказал А. Ф. Варлашин, первый секретарь Бурейского райкома КПСС.)

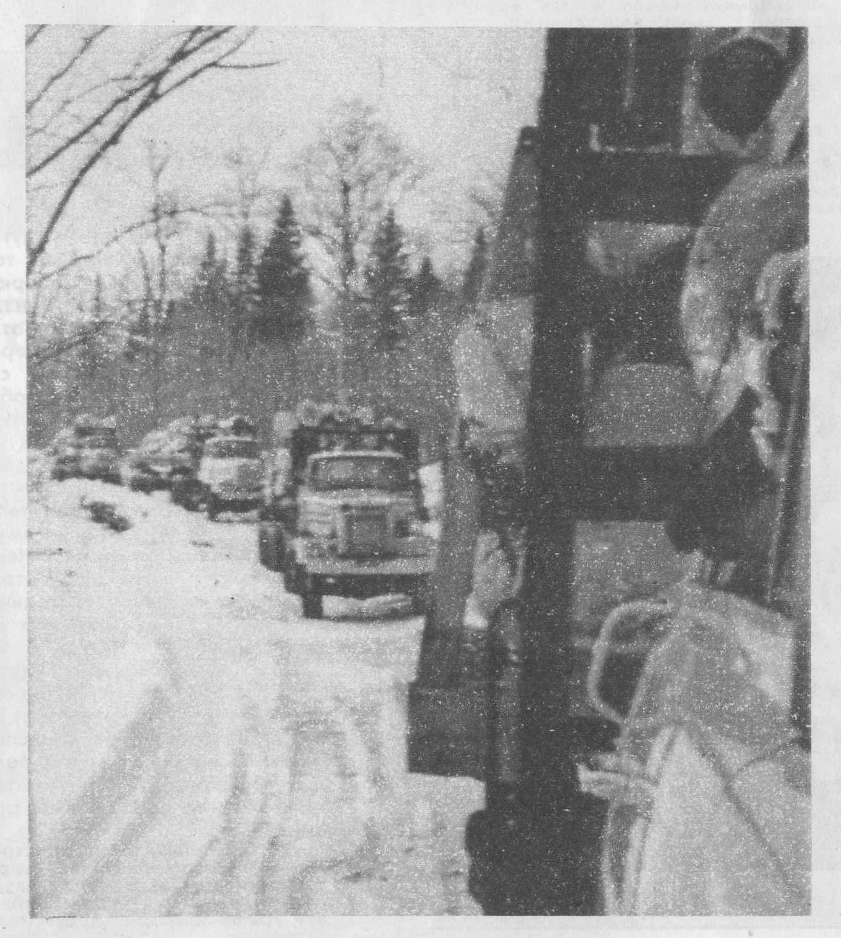
«Проект строительства Бурейского гидроузла разработан институтом «Гидропроект» города Ленинграда. Разрешение на спецводопользование выдано Министерством мелиорации и водного хозяйства РСФСР. Планируемый срок ввода в эксплуатацию первого агрегата и водохранилища — 1990 год. К моменту заполнения водохранилища до отметки 220 метров должны быть проведены работы по лесосводке и лесоочистке. Для выполнения их привлекаются действующие в районе строительства заготовительные предприятия. В Амурской области — Бурейский леспромхоз объединения «Амурлес», в Хабаровском крае — Согдинский и Чекундинский леспромхозы объединения «Ургаллес» с созданием в этих леспромхозах дополнительных мощностей. Полные затраты относятся на сметы Минэнерго СССР и Минлесбумпрома СССР. В настоящее время на Бурейской ГЭС полным ходом идут гидротехнические работы по завершению перекрытия русла реки. К подготовке ложа водохранилища практически не приступали». Вот такой документ, подписанный почти год назад, зачитал мне начальник Дальневосточного бассейнового управления по регулированию использования и охране вод И. З. Кулешов.

При условии разрешения всех вопросов проектирования и размещения плановых подрядных работ приступить к строительству объектов по созданию нужных мощностей возможно только в 1986 году, а заняться лесосводкой — с 1988 года. То есть с запозданием на пять лет! Предусмотренные проектом работы в зоне водохранилища произвести невозможно в связи с тем, что до сих пор проектный институт не выдал полностью рабочие чертежи по лесосводке и лесоочистке. Управление Зеягэсстрой не строит жилья в поселке Талакан для семей, переселяемых из Чеугды. Не начали строить перевалочный склад, не закончили еще дорогу... Не решен вопрос с отбивкой контура... Таким образом, все сроки нарушены. В игру вступили пресловутые ведомственные интересы. Кто разрушит эти барьеры?

Защищать природу будущего Бурейского водоема надо уже сегодня.

— То, с чем мы столкнулись, — явление опасное, — говорил мне Николай Петрович, начальник Чеугдинского лесопункта. Работают здесь на пределе. Ежесуточно готовят и вывозят по пятьсот кубометров древесины в хлыстах. Но так можно работать только зимой. Мороз — союзник. Все дело в дорогах... Их очень мало в здешней тайге. В прошлом году гидростроители, соорудив перемычки и дамбы, так сузили русло Буреи, что через новый сильный перекат лесозаготовители не смогли провести плоты. Могла пропасть хорошая древесина, и пришлось срочно строить дорогу от Чеугды. Девять километров делали полгода. Они обошлись в восемьдесят тысяч рублей. Чтобы взять лес в зоне затопления (на территории только Амурской области), нужна уже сейчас дорога почти в пятьдесят километров. Кто и когда ее построит?

Я рассказал о делах Чеугдинского лесопункта. Не надо быть стратегом, чтобы понять: одному этому хозяйству не справиться с вывозкой и четверти товарной древесины, не говоря уж о полной очистке водохранилища. Десять лет там, наверху, увязывают, согласовывают, делят, спорят, ищет каждый выгоду для себя... Боль, высказанная Николаем Петровичем Ерзамаевым, точит сердце. Пока еще радует людей чеугдинская сказка. Еще чиста и прозрачна бурейская вода. Еще свеж воздух над Талаканом. А что будет там завтра?

ДОБРАЯ ТРАДИЦИЯ

19 АПРЕЛЯ — ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СУББОТНИК.

Вдвое перевыполняет сменную норму оператор Р. Фахрисламов.

Фото В. ВОНОГА (ТАСС)

Добрая традиция коммунистических субботников превратилась сегодня в праздники свободного труда. Ныне в «красных субботах» ежегодно участвует около 150 миллионов человек и более. Средства, заработанные в этот день, идут на ускорение строительства здравниц, больниц, поликлиник, школ, клубов, дворцов культуры и спорта, стадионов, украшение и озеленение городов и сел.

Праздник труда ныне по-особому знаменателен. Он проходит в год, когда новая, 12-я пятилетка начала свой отсчет. Повсюду царит трудовой настрой, вызванный XXVII съездом партии.

Ударная вахта в честь субботника уже началась. В числе их — коллектив Краснознаменного Учалинского горно-обогатительного комбината Башкирской АССР. Сверх мартовского графика здесь выработаны десятки тонн меди и цинка.

Отличных показателей добились сквозные комплексные бригады водителей горного транспорта, технологических рабочих и флотаторов обогатительной фабрики. Их успехи — это результат внедрения научно-технических достижений, прогрессивных форм оплаты труда, дисциплины и организованности.

Погрузка руды в карьере Учалинского рудника.

Не приукрасить! **Рисунок Бор. ЕФИМОВА**

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ И ПОЛИСМЕНЫ

А. РЕПИН

ФЕЛЬЕТОН

В одном профсоюзном клубе в Чикаго я видел, как рабочие играли в шахматы, передвигая на доске фигуры полицейских в униформе конца прошлого века. Король — шериф, ферзь, она же королева,— жена шерифа, кони — верховые полисмены, слоны и ладьи — полицейские чины, пешки — городовые.

К моему разочарованию, никакой пикантной истории у этих шахмат не оказалось. Как они сюда попали, никто не знал.

— А ну, сбей его, как О'Нил Бирмингэма! — подсказал кто-то очередной ход.

— Кто такие О'Нил и Бирмингэм? — спросил я старого рабочего Нормана Рота, когда он вез меня из профклуба в гостиницу.

Норман ухмыльнулся и вместо знакомого уже поворота на Мичиган-авеню крутанул баранку в другую сторону. Проехав сверкающий огнями центр, мы оказались в каком-то неказистом районе.

— Узнаешь? — спросил Норман.— А ведь ты здесь бывал...

И он подвел меня к темной серой глыбе, смахивающей на надгробие.

— Вот сейчас узнал,— обрадовался я.

Мы стояли на площади Хеймаркет, той самой, где сто лет назад, в мае 1886 года, разъяренные полицейские учинили побоище после того, как целившийся в толпу рабочих провокатор угодил своей бомбой в отряд полисменов.

— Но при чем все-таки джентльмены О'Нил и Бирмингэм?

— Джентльменом был только один из них — О'Нил. Бирмингэм был полисменом,— отрезал Норман.— Он стоял на этом вот постаменте. Хочешь узнать подробности?

И вот что я услышал.

Постамент на площади Хеймаркет пустует уже 14 лет. А раньше на нем возвышалась фигура полицейского с поднятой рукой. По заказу чикагских толстосумов эту статую сделал скульптор Джон Гелерт. И лепил он ее как раз с полисмена, которого звали Томас Бирмингэм. Был то громадный детина с тупым взглядом. Работа шла туго, потому что Бирмингэм был постоянно пьян. Ему кое-как удавалось находиться в вертикальном положении, но держать еще поднятой и руку — это было выше его сил. Все же Гелерт завершил работу.

Фигуру Бирмингэма взгромоздили на постамент в 1889 году. Тогдашний мэр Чикаго сказал: «Этот монумент будет стоять здесь вечно как символ свободы и закона!»

Саму модель этого символа полицейской свободы и закона джунглей водили по павильонам Всемирной чикагской выставки в 1893 году. Бирмингэма показывали в качестве экспоната под названием «образцовый полисмен». Через пять лет его судили за торговлю наркотиками, а кончил он подзаборным пьяницей и карманником.

Судьба самой скульптуры полицейского оказалась еще более поучительной, чем ее модели: в 1903 году статую украли, но нашли и вернули на постамент. А в 20-х годах с ней приключилась история, главным действующим лицом которой и был О'Нил. Он водил трамвай через площадь Хеймаркет. Полицейское изваяние надоело ему настолько, что однажды О'Нил разогнал свой трамвай так, что он сошел с рельсов и сбил фигуру полицейского с постамента. Вагоновожатый чистосердечно признался, что «его мутило от вида полисмена с поднятой рукой». В 1928 году статую реставрировали и поместили на короткое время в Юнион-парке, потом вернули на прежнее место.

—Спасибо, Норман,— сказал я, закрывая блокнот.

— Это еще не все,— засмеялся Норман.

Оказывается, в мае 1968 года, в разгар массовых демонстраций против агрессии США во Вьетнаме фигуру полицейского облили черной краской. Через год ее взорвали, снова реставрировали и взорвали опять. Мэр Дейли предлагал накрыть статую прозрачным колпаком из прочнейшего материала. Выдвигалась идея изготовить множество копий статуи из пластика и устанавливать их после очередного взрыва. Пока шли споры, мэр приказал охранять скульптуру круглосуточно и выделил на это 68 тысяч долларов. В 1972 году ее убрали наконец с постамента на площади Хеймаркет и установили в вестибюле городского полицейского управления.

— Нельзя ли на нее взглянуть?

Наутро Норман повел меня в полицейское управление. В вестибюле толпились полицейские и воры, а также их жертвы. Статуи не было. Оказалось, что она стоит в полицейской академии. Едем туда. Там дежурный прозвел нас в глубь вестибюля и открыл стеклянную дверь. Во внутреннем дворике мы и узрели металлического Бирмингэма. Здесь он пока что в полной безопасности. Ни одна живая душа его не видит. Только полицейские.

На обратном пути Норман еще раз провез меня через площадь Хеймаркет. У обрубка-постамента стайка молодых людей устроилась перекусить. На сером камне черным аэрозолем было выведено: «Свободу Сальвадору!», «Долой «звездные войны»!», «Да здравствует Первое мая!».

Чикаго — Москва, апрель 1986 г.

●

В № 7 «Огонька» была опубликована анкета «К вам, молодые!».

— Почему редакция обратилась именно к молодым?— спрашивают некоторые читатели. Дело в том, что опрос читателей по поводу того, какие новые темы они хотят видеть в «Огоньке», редакция проводит из года в год. К сожалению, среди писем, получаемых нами, процент участия молодых был всегда не очень велик. В то же время на читательских конференциях нас часто просили уделять больше внимания молодежным темам.

В ответ на наше обращение к молодым читателям редакция уже получила более трехсот писем. Главное, что подкупает в них,— искренность, откровенность. К ответам на первые пять вопросов нашей анкеты мы вернемся позже, прокомментирует эту почту ученый-социолог. А сегодня мы публикуем некоторые ваши замечания, пожелания, высказанные в адрес «Огонька».

ЖУРНАЛ – ЧИТАТЕЛЬ – ЖУРНАЛ

«Проблем у нас, молодых, много, но особенно нас волнуют, конечно, производственные дела. Хотелось бы, чтобы на страницах «Огонька», который мы в семье выписываем не один год, чаще, острее поднимался вопрос о молодом специалисте, молодом рабочем на производстве: о степени его участия в управлении производством, о роли первичных комсомольских организаций в решении всех жизненных вопросов, в том числе и социально-бытовых».

Вл. МИШИН, сталевар

Череповец.

«В «Огоньке» меня привлекают встречи с интересными людьми, путешествия по зарубежным странам, интересные фотографии и картины мастеров живописи, произведения лучших советских писателей.

Темы, на которые надо обратить внимание: почему не хватает медсестер, борьба с пьянством и курением; больше репортажей из красивых мест нашей страны. Например, в Пермской области, если проехать по рекам Чусовой, Сылве, Ирени, можно встретить много мест, связанных с историей нашей Родины.

Хотелось бы видеть на обложках журнала портреты знаменитых спортсменов — Олега Блохина, Е. Гордеевой и С. Гринькова, известных хирургов Н. Амосова, Ф. Углова».

И. ЛУЗИН, хирург областной больницы

Пермь.

«Больше рассказывать о жизни социалистических стран, молодежных организациях, которые там существуют. Как живет, работает, отдыхает, чем увлекается молодежь? Что нового в живописи, культуре зарубежных народов?

Интересуют нас, молодых, новости науки — отечественной и зарубежной, люди героических профессий, первооткрыватели месторождений нефти, газа, знаменитые спортсмены, альпинисты. Рассказы об интересных людях помогают нам найти свой идеал в жизни, подсказывают нам, на кого надо равняться».

Н. ГАЛИНА, швея-мотористка, 20 лет

Донецк.

«Мало и как-то вяло обсуждаются в журнале школьные проблемы, проблемы взаимоотношений школьников и учителей, проблемы духовного развития подростков».

Л. БУТУСОВА, ученица 8-го класса

пос. Солгинский Архангельской области.

«Больше живости, остроумия, откровенности в решении молодежных проблем. А они есть. Нравится мне современная живопись, но не только Шилов и Глазунов. Хотелось бы услышать и другие имена, узнать, как работают молодые художники, есть ли среди них подающие надежды».

Ф. РУСЛАНОВ, ученик 10-го класса

Москва.

«Спортивные подборки публикуются реже, чем хотелось бы. Живопись интереснее разглядывать, когда к ней есть комментарии специалиста, хочу отметить высокий уровень фотографий в «Огоньке». Из конкретных тем хотел бы предложить интервью с руководителем Государственного кубанского казачьего хора Виктором Гавриловичем Захарченко. Думаю, что работа этого коллектива будет всем интересна».

В. МОИСЕЕВ, заливщик металла, 27 лет

станица Северская Краснодарского края.

«Давно читаю ваш журнал. Но серьезные материалы не люблю, потому что они заставляют много думать, переживать. А забот нам и так хватает. Приходишь с работы усталый, хочется отдохнуть, расслабиться. Поэтому чем больше будет рассказов о любви, юмора, фельетонов, фантастических повестей, очерков о модных певцах, артистах, текстов песен-шлягеров, тем привлекательнее для нас, молодых, будет ваш журнал. Нужны советы молодоженам по вопросам ведения хозяйства, воспитания детей. Не бойтесь писать о взаимоотношениях между юношами и девушками типа «Азбуки для двоих» в журнале «Ровесник».

Ф. ХАЛИКОВ

Казань.

Среди актеров, рассказы о которых хотели бы видеть в журнале наши читатели, чаще других звучит имя Игоря Скляра.

Отвечаем Л. Бабарыкиной из Бурятии, Г. Ирбеевой из г. Сарани Карагандинской области, О. Иванюк из г. Нукуса, А. Цепениковy из г. Перми и другим читателям, обратившимся к нам с такой просьбой, что материал об актере театра и кино И. Скляре подготовлен и будет опубликован в ближайших номерах.

Инженер-экономист Е. Костылева из Воронежа прислала подробный список картин, которые она очень любит и чаще хотела бы видеть на вкладках журнала. Среди них Рембрандт, Тициан, Ван Дейк, Э. Мане, Лиотар, Рокотов, Кипренский, Брюллов, Федотов, Суриков и многие другие.

Житель Бабушкинского района г. Москвы А. Ивлев предложил в ближайших номерах рассказать о развитии транспортной сети в столице.

Семнадцатилетний Р. Куштапов из города Брежнева увлекается спортом, особенно тяжелой атлетикой, и вносит предложение рассказать о необыкновенной судьбе силового жонглера Валентина Ивановича Дикуля. Это пожелание будет выполнено в ближайшее время.

Е. Щусева из г. Жигулевска просит познакомить с новейшими направлениями в разработках мебели, с модными тенденциями в интерьере квартиры, рассказать, что нам готовит легкая промышленность.

Читательнице Е. Щусевой сообщаем, что новая рубрика «Наша квартира» в ближайшее время появится на страницах «Огонька». В материалах этого раздела архитекторы, художники-дизайнеры расскажут новоселам о модных направлениях в дизайне квартиры, дадут конкретные советы, как с помощью стандартного набора мебели создать свой индивидуальный микроклимат в доме, сделать его теплым, уютным, удобным.

* * *

Перечислить все предложенные темы, дорогие наши молодые читатели, в одной публикации невозможно. Все они внимательно изучаются в редакции и будут учтены в планах журнала.

Ждем ваших писем, просим называть конкретные темы, адреса, имена людей, о которых вы хотели бы прочитать в журнале. Не забудьте подсказать нам, какие фотографии, репродукции картин каких мастеров живописи вы хотите видеть в «Огоньке».

Больше рассказывайте о себе, о своей работе, увлечениях, о семейных делах, о том, в какой помощи вы нуждаетесь для решения своих жизненных проблем.

Благодарим всех приславших нам ответы на анкету «К вам, молодые!».

Фото И. Гаврилова

12 АПРЕЛЯ ВЕСЬ МИР ОТМЕЧАЕТ 25-ЛЕТИЕ ПЕРВОГО ПОЛЕТА ЧЕЛОВЕКА В КОСМОС

И ОСТАЛСЯ ВЕЧНО МОЛОДЫМ

Четверть века назад, на заре космической эры мне довелось встретиться с первым руководителем подготовки советских космонавтов, Героем Советского Союза, генерал-полковником авиации Николаем Петровичем Каманиным. Имя этого человека было хорошо известно нам всем по героической эпопее спасения челюскинцев.

Деловое знакомство перешло в дружбу. Однажды Николай Петрович рассказал мне, что ведет подробный дневник событий своей жизни. Как раз в то время мы беседовали о Юрии Гагарине, которого Николай Петрович хорошо знал и очень любил. Он разрешил мне сделать выписки из своего дневника, касающиеся Юрия Гагарина. Я объединил их с рассказами Николая Петровича о первом космонавте планеты и подготовил все это к печати. Каманин внимательно прочитал материал и написал своим ясным, четким почерком: «Согласен. Можно публиковать».

Так случилось, что в этот день я уехал в командировку. Там узнал о смерти Каманина и поспешил в Москву, чтобы с ним проститься. Мне было не до публикации материала...

Сейчас, спустя годы, я вновь перечитал эти страницы. И Гагарин встал передо мной, как живой...

Н. ХЛЕБОДАРОВ

ИЗ БЕСЕД С Н. П. КАМАНИНЫМ

«Когда я впервые увидел документы Юрия Гагарина, то с удивлением отметил: родился он 9 марта 1934 года, в день, когда я отправился спасать челюскинцев, дрейфующих на льдине в Арктике.

Позже, когда Гагарин появился в только что зарождавшемся Звездном городке с безукоризненными характеристиками и заключениями врачей, состоялось мое первое с ним знакомство. Мне он сразу понравился. Верилось, что это один из тех людей, которых мы ищем. Будущее показало, что мы не ошиблись...

Видели все, что Юра одарен, вдумчив, дисциплинирован, а главное — был всю жизнь лидером. Сама натура его выдвигала. Когда я предлагал его кандидатуру как первого космонавта, то опирался на мнение сотен людей: ученых, врачей, товарищей и руководителей, готовящих первый полет. Помоему, он сам себя выдвинул тем, что из себя представлял.

Сергей Павлович Королев особое значение придавал испытанию космонавта в сурдокамере. Очень серьезное испытание: надолго ли останешься в одиночестве — неизвестно, отняты привычные звуки, запахи, утрачивается ощущение времени, теряется биологический ритм. И только отрастающая борода напоминает, что время идет. Главный конструктор придавал этой проверке особое значение. Ведь она во многом определит, как поведет себя космонавт, когда исчезнут привычные понятия о времени. Сможет ли человек выдержать испытание бесконечностью? Уже второму космонавту станет легче: опыт первого будет незримо с ним. Гагарин выдержал это испытание прекрасно. Обычно в сурдокамерах человек вспоминает о прошлом, а Гагарин думал о будущем, фантазировал... На вопрос одного из друзей: «Разве другой не слетал бы?» — Королев ответил: «Придет время — и каждый из них сможет превзойти Гагарина. Но никто так не улыбнется человечеству и Вселенной, как Юрий Алексеевич. А это очень важно. Куда важнее, чем мы можем себе представить»...

Из документов Государственной комиссии

«Ю. А. Гагарин на протяжении подготовки и тренировки к полету показал высокую точность при выполнении различных экспериментов и психологических заданий. Показал высокую помехоустойчивость при воздействии внезапных и сильных раздражителей. Реакции на «новизну» (состояние невесомости, длительная изоляция в сурдокамере, парашютные прыжки и другие воздействия) всегда были активными, отмечалась быстрая ориентация в новой обстановке, умение владеть собой в различных неожиданных ситуациях.

Как одну из особенностей характера можно отметить чувство юмора, склонность к добродушию, шутке.

При тренировках на учебном космическом корабле для него был характерен спокойный, уверенный стиль работы с четкими, лаконичными докладами после проведенного упражнения. Уверенность, вдумчивость, любознательность и жизнерадостность придавали индивидуальное своеобразие выработке профессиональных навыков».

ИЗ ДНЕВНИКА Н. П. КАМАНИНА, 9 апреля 1961 года, утро

«На утренней зарядке играли в теннис. Я впервые сообщил космонавтам о решении Государственной комиссии: первым в полет допустить Гагарина, запасным готовить Титова. Заметна была радость Гагарина и небольшая досада Титова. Я предупредил, что завтра состоится встречу с членами Государственной комиссии, на которой решение будет объявлено официально...»

...Вечер. С. П. Королев просил организовать встречу с космонавтами в непринужденной обстановке, от космонавтов — Гагарин, Титов, Попович, Николаев, Быковский.

— Волнуетесь за них? — спросил я у Королева.

— А как вы думаете? Ведь в космос летит человек.— Помолчав, немного добавил: — Привык я к Юрию. Он мне, как сын!

10 апреля 1961 года, 11 часов

«В павильоне состоялась встреча конструкторов, ученых с космонавтами. Выступлений было много, ярче всех сказал Королев: «Не прошло и четырех лет с момента запуска первого искусственного спутника Земли, а мы уже готовы к первому полету человека в космос. Каждый из присутствующих космонавтов готов совершить этот полет. Решено: первым полетит Гагарин, за ним — другие. Уже в этом году будут подготовлены новые корабли «Восток», на будущий год мы будем иметь двух-трехместный корабль. Я думаю, что присутствующие здесь космонавты не откажут нам в просьбе «вывезти» и нас на космические орбиты. Мы уверены: полет готовился обстоятельно и тщательно. Полет пройдет успешно. Успеха вам, Юрий Алексеевич!..»

11 апреля 1961 года, 21 час 30 минут

В 20 часов ко мне зашел Гагарин и сказал: «Николай Петрович, я наверное, ненормальный». Я спросил: «В чем дело? Что случилось?» «Да вот, знаю, что завтра лететь, а я как-то совсем не волнуюсь. Наверное, это ненормально!» Я обнял его и тепло сказал: «Юра! Ты самый нормальный человек. Отлично понимаешь, что излишние волнения сейчас ни к чему — слишком ответствен твой завтрашний шаг. Шутка ли — первым выйти в космическое пространство, прославить свою Родину! Тебя сейчас, кроме нас и твоих родных, никто не знает, а завтра о тебе заговорит весь мир. И никогда уже имя твое не забудут. С тебя начнется история покорения новой среды — космического пространства. Хорошо, что ты не волнуешься. Значит, сделаешь так, чтобы все было отлично».

В ответ я услышал: «Сделаю — как учили!» Это у Гагарина была своего рода присказка. Когда его спрашивали: «Как выполнил задание?»,— он неизменно отвечал: «Как учили».

12 апреля 1961 года, утро

«Час назад Гагарину наклеили все датчики для записей физиологических функций в полете. Эта операция заняла час двадцать минут, но никак не сказалась на его самочувствии. Юра сидит напротив меня и говорит: «Вот уже и лететь, а я до сих пор не верю, что полечу, и сам удивляюсь своему спокойствию...»

Московское время 9 часов 05 минут.

09.07... Пуск! «По-о-ехали»! — неожиданно услышали мы гагаринское слово. Старт прошел отлично. До седьмой минуты полета связь поддерживалась непосредственно из бункера. Через 13 минут после старта мы уже знали: первый в мире полет человека по космической орбите идет успешно. Началась новая эра — эра проникновения человека в космическое пространство...

Через 15 минут после запуска радиосигналы космического корабля запеленговала американская радарная станция, расположенная на Алеутских островах. Пятью минутами позже в Пентагоне уже была принята шифровка и ночной дежурный тут же позвонил домой главному научному советнику президента Кеннеди. С момента старта прошло 23 минуты, когда президент узнал о полете человека в космос. Советского человека!..

Агентство Ассошиэйтед Пресс утром 12 апреля 1961 года сообщило: «Советский Союз объявил, что он запустил в космос человека и вернул его после облета вокруг Земли». А вот что писала «Таймс»: «Для Жюля Верна это было 80 дней, для майора Гагарина — 108 минут. За промежуток между утренним кофе и поздним завтраком он облетел вокруг Земли».

ИЗ БЕСЕД С Н. П. КАМАНИНЫМ

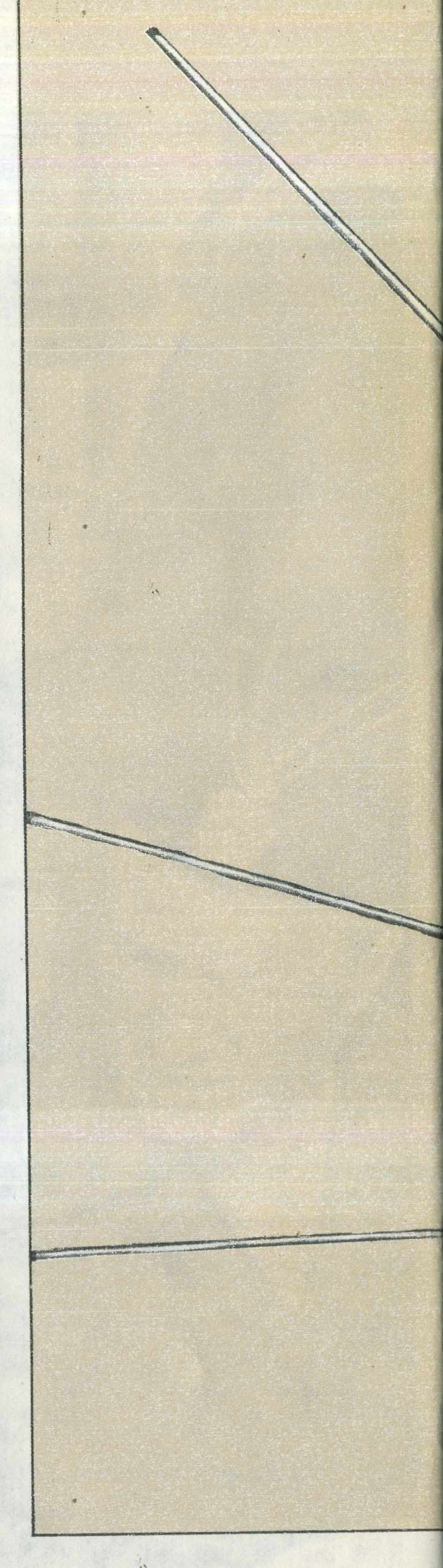
«Скоро специалисты, изучающие общественное мнение, единодушно отметили, что в мире нет более известного человека, чем 27-летний советский летчик Юрий Алексеевич Гагарин. Началась вторая гагаринская орбита, справедливо названная орбитой мира и дружбы, которая замысловатым узором пролегла по всему земному шару. Более 50 стран посетил Гагарин, и я был рядом с ним.

Помню, что писала английская газета «Дейли скетч» о приеме Гагарина у английской королевы в Лондоне: «Завтрак был самым веселым событием, имевшим место в комнате 1844 Букингемского дворца. Более ста лет назад в ней принимали русского царя Нико-

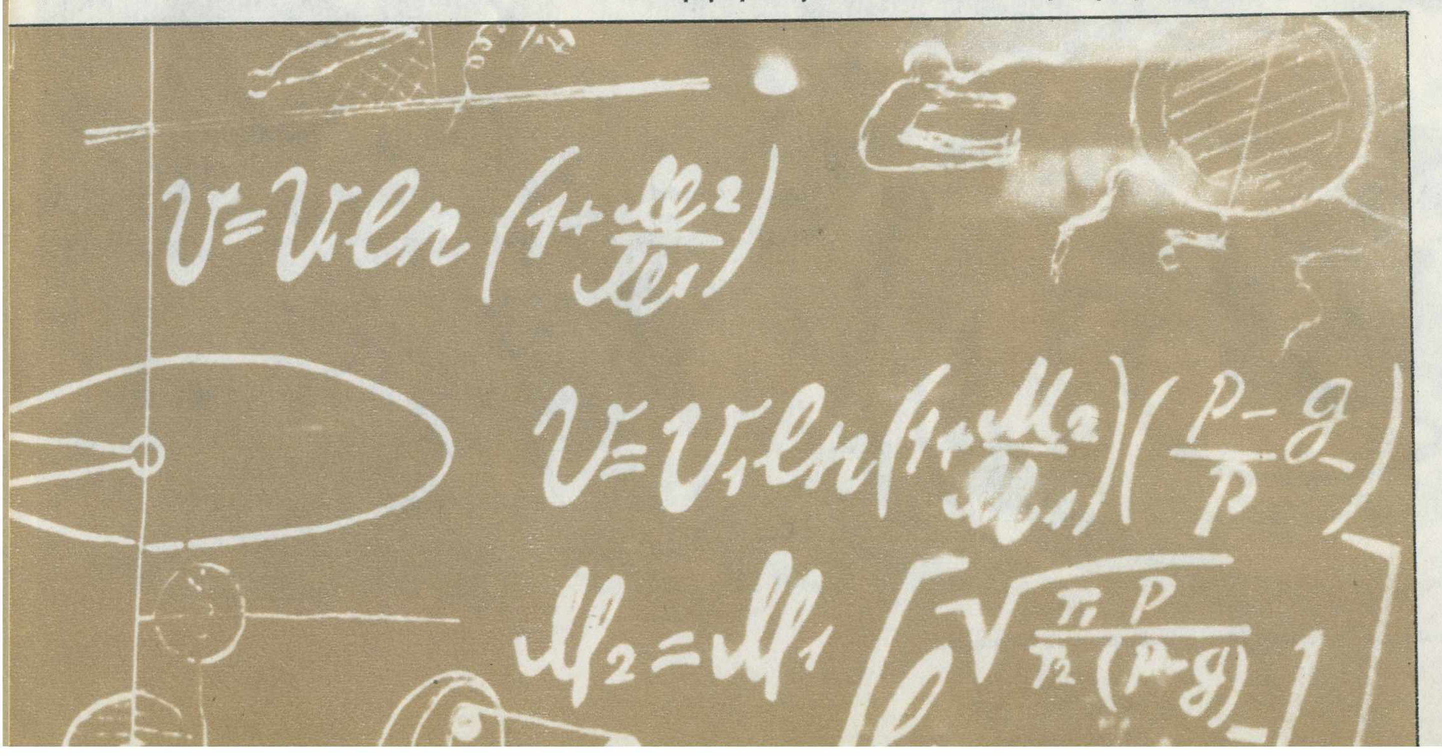

Н. П. Каманин с Юрием Гагариным и Германом Титовым. (Фото публикуется впервые.)

Отец космонавтики — Константин Эдуардович Циолковский.

Эти формулы проложили человечеству дорогу в просторы Вселенной.

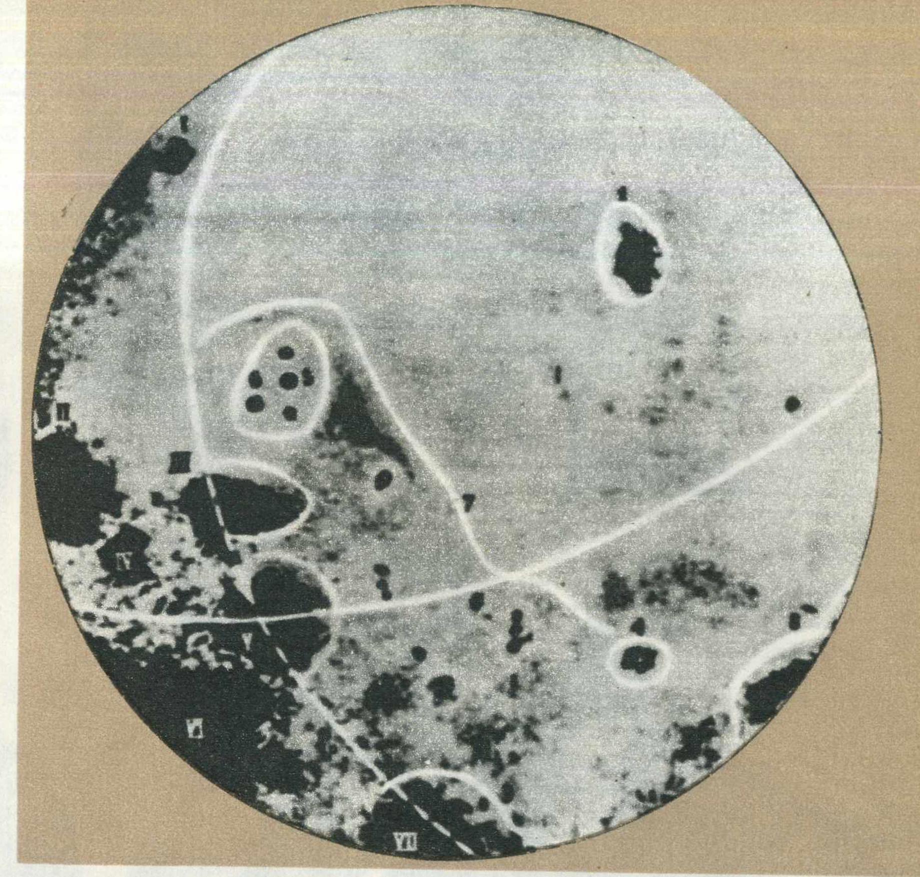

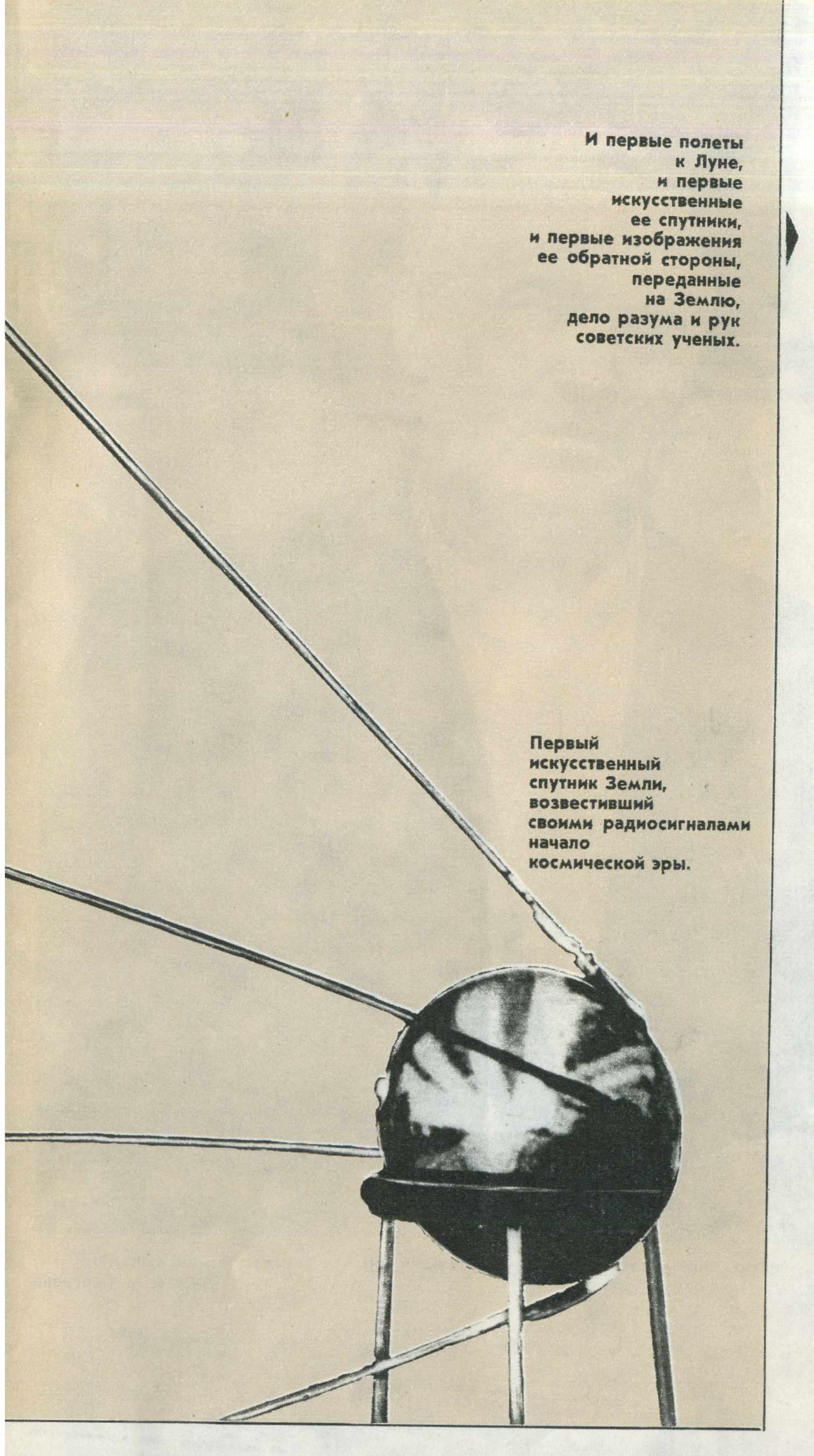
лая I, а теперь и первого в мире космонавта Гагарина. Других русских в этой комнате не бывало, и в этом факте нельзя не видеть знамение времени».

Гагарин с первого взгляда располагал к себе всех — от королев до простого рабочего. Неотразимы были его знаменитая гагаринская улыбка и естественность поведения. Помню, в Манчестере к нам с трудом протиснулся пожилой англичанин. «Сэр,— обратился он ко мне.— У вас все такие?» — Он кивнул в сторону Гагарина. «Какие?» «Как этот: красив, умен, обаятелен, скромен!» Я утвердительно кивнул, а кто-то добавил: «Он коммунист!» Англичанин улыбнулся: «Судя по нему, коммунисты — замечательные люди. Ваша партия знает, кого она растит»...

Первой страной, которую Гагарин увидел из космоса, была Япо-

И первые полеты к Луне, и первые искусственные ее спутники, и первые изображения ее обратной стороны, переданные на Землю, дело разума и рук советских ученых.

Первый искусственный спутник Земли, возвестивший своими радиосигналами начало космической эры.

С благополучным возвращением на Землю, Белка и Стрелка!

ния. Японцы — гостеприимные хозяева — это знали и были весьма горды. Беседы всюду шли теплые. У японцев принято давать напутствие отцов своим детям. Такое напутствие как-то попросили дать и Гагарина, который сказал: «Пусть мои дети будут, как и весь советский народ, активными борцами за мир, надо, чтоб они выросли людьми честными, самоотверженными, любящими Родину». Гагарин так понравился японцам, что Всеяпонский Совет молодежных хоров сочинил в честь него очень мелодичный своеобразный гимн, который звучал повсюду. Перевод его таков:

Хорошо, хорошо, Гагарин!
Прибыл сюда наш друг,
Показавший будущее мира,
Открывший славный путь в космос.
Пусть расцветают цветы мира
На зеленой щедрой Земле!

Гагарина любили за всепобеждающую молодость духа. Как-то он признался: «Хочу посвятить свою жизнь новой науке. Мне хочется побывать на Венере, увидеть, что находится под ее облаками, увидеть Марс и самому убедиться, есть ли на нем каналы».

ИЗ ДНЕВНИКА Н. П. КАМАНИНА, 12 апреля 1964 года

«На пресс-конференции один голландский корреспондент спросил: «Господин Каманин! Вы же не космонавт, сами в космосе не были. Как же вы их воспитываете?» Я ему ответил: «Если бы сейчас мне предложили этим заняться, я бы отказался». Но ведь тогда ни одного космонавта в мире не было. Мы еще не знали, из кого их готовить: из подводников, танкистов, летчиков? В определенном смысле мне первому пришлось осваивать космическую профессию»...

ИЗ ДНЕВНИКА Н. П. КАМАНИНА, 27 марта 1968 года

Вдруг звонят с аэродрома: нет связи с самолетом Гагарина. Сердце сжимается нехорошим предчувствием. Что-то случилось?! Случилось самое страшное: погибли Гагарин и лучший летчик авиаполка Серегин.

Это был полет на двухместном учебно-тренировочном самолете. Впереди — Гагарин, сзади — командир полка, летчик первого класса, Герой Советского Союза Владимир Сергеевич Серегин. Небо в серой облачности. Задача: отработать технику пилотирования в зоне и по кругу. Такие полеты — в программе подготовки всех космонавтов. Без них трудно, как мы говорим, быть в летной форме. В них шлифуются не только профессиональные навыки, но и проверяется умение работать в условиях перегрузок и шумов. Такие полеты—тренировка в экстремальных условиях. Одним словом, все это он уже прошел...

...До отупения прокручиваю магнитофонную ленту, фиксировавшую полет. Знаю ее наизусть, ну хотя бы что-нибудь, предвещавшее беду. Голоса ровные, посторонних звуков нет. А вот и конец записи.

10 часов 19 минут.

— Я — 625! Взлет в зону!

10 часов 21 минута.

— Я — 625! Зону занял. Высота 4200 метров. Выполняю задание.

Затем короткий доклад о выполнении деталей задания.

— Задание в зоне закончил! Разрешите на курс!

Первого космонавта планеты и Главного конструктора ракетно-космических систем связывала дружба сродни той, что бывает у отца и сына.

Фото А. Сергеева

Наш Гагарин!

Не прошло и четырех месяцев после первого полета человека в космос, как ликующая Москва узнала имя Германа Титова, впервые в мире совершившего суточный полет на околоземной орбите.

Фото Г. Санько

Первая земная женщина-космонавт В. В. Терешкова и ее спутник в космическом полете В. Ф. Быковский.

Гагарин повторил полученное разрешение.

— Все понял! Выполняю!

Это были его последние слова. Связь оборвалась.

Отметка самолета на индикаторе локатора пропала в районе Киржача. На индикаторе времени — 10 часов 31 минута.

— 625-й! Ответьте!

Гагарин молчал. Потянулись томительные минуты. Взлетела группа поиска. Аэродром затих. Потом донесение вертолетчика:

— Вижу место падения самолета — в 2,5 километрах юго-восточнее деревни Новоселово.

Гибель Гагарина потрясла весь мир. Его любили, им восхищались, им гордились. Гагарина восторженно принимали во всех странах. И сам он жаждал бурной деятельности. Он понимал, что в космосе первым мог оказаться и не он, поэтому свою славу надо еще заслужить. Его недаром интересовали многие выдающиеся люди. Особенно он любил Сергея Павловича Королева. Среди документов на месте гибели Гагарина была найдена маленькая любительская фотография Королева... Первый космонавт не расставался с ней никогда. Именно с Королева он «делал жизнь».

ИЗ БЕСЕД С Н. П. КАМАНИНЫМ

«После гибели Гагарина пришли тысячи писем. Почти всюду — упреки: «Что же вы его не уберегли?» Некоторые даже писали, что Алмазный фонд в Кремле — это пустяк, а вот Гагарина надо бы так хранить. Конечно, велика горечь утраты, но ведь многие не представляют, что значит для летчика не летать. Если любому из них сейчас сказать, что ты уже не летчик, не космонавт, а музейный экспонат, уверен, что он долго бы не выдержал. Что же говорить о Гагарине, который и во сне-то грезил полетами, и стремился к ним всей своей талантливой натурой... Он очень хотел летать. Несколько раз просил разрешить. Два раза приходила Валя, просила, чтоб он летал...»

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА С КАМАНИНЫМ

«Я только что закончил книгу «Сотвори себя». Трудную для меня книгу. В самом названии я хочу сказать: человек сам себе творец. Лет с четырнадцати я понял, что свою жизнь надо создавать самому. Но как? Этой науке никто не научит. Понятия о жизни у людей различные. У одних оно вполне укладывается в ощущение сытости. Другие ищут удовольствий, третьи — истину. Гагарин шел к своей цели не отклоняясь. Как трагически рано он погиб! Наверняка бы многое сделал и еще слетал в космос. Но у жизни своя логика развития, хотя от человека и многое зависит. Как-то мне пришло письмо от девочки-дошкольницы: «Скажите, пожалуйста, космонавтам, что они не имеют права разбиваться. Перед всеми нами». Я ответил: «Передал эти слова космонавтам, и они обещали этого не делать».

А о Юрии Гагарине я никогда не скажу: он был! Он есть! Юность его вечна, а память о нем бессмертна!..»

Публикацию подготовил Николай ХЛЕБОДАРОВ.

Текст дневника публикуется впервые.

Новый этап в освоении космоса открыл полет П. Беляева и А. Леонова, во время которого впервые человек вышел в открытый космос.

Байконур. Летчик-космонавт СССР А. Иванченков, французский космонавт Жан-Лу Кретьен и летчик-космонавт СССР В. Джанибеков знакомятся с бортовой документацией накануне совместного советско-французского эксперимента.

Фото В. Кузьмина (ТАСС).

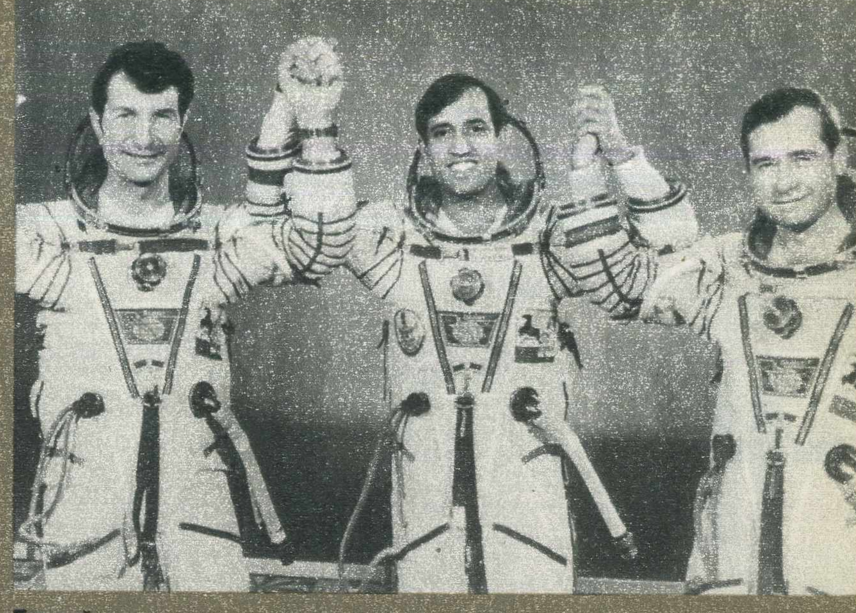

По традиции накануне полета в космос на Красную площадь пришел экипаж корабля «Союз Т-12». В его составе летчик-космонавт СССР Герой Советского Союза С. Е. Савицкая.

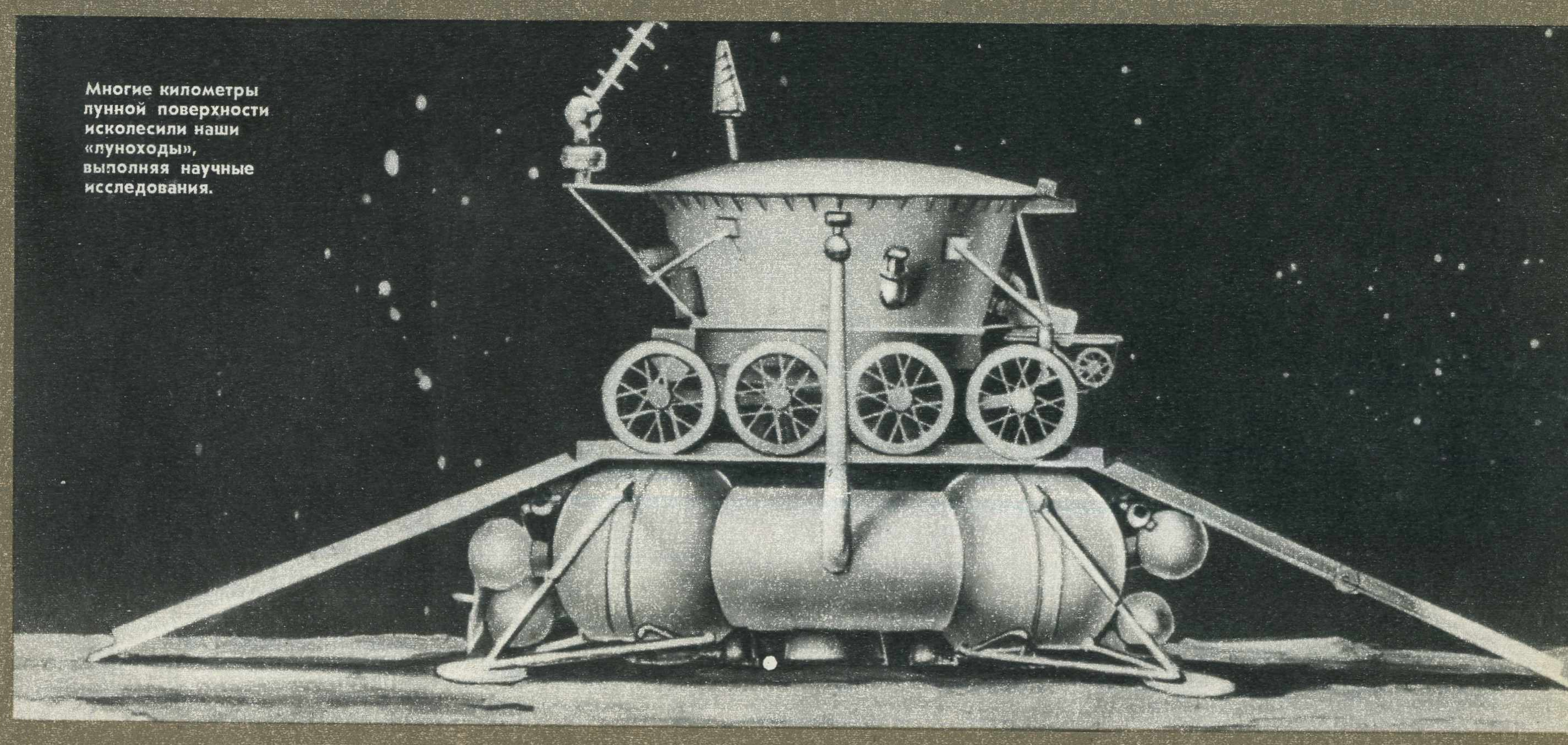

А. Леонов (справа) и Т. Стаффорд — участники первого совместного космического советско-американского эксперимента «Союз» — «Аполлон». За этим полетом с надеждой следило все человечество.

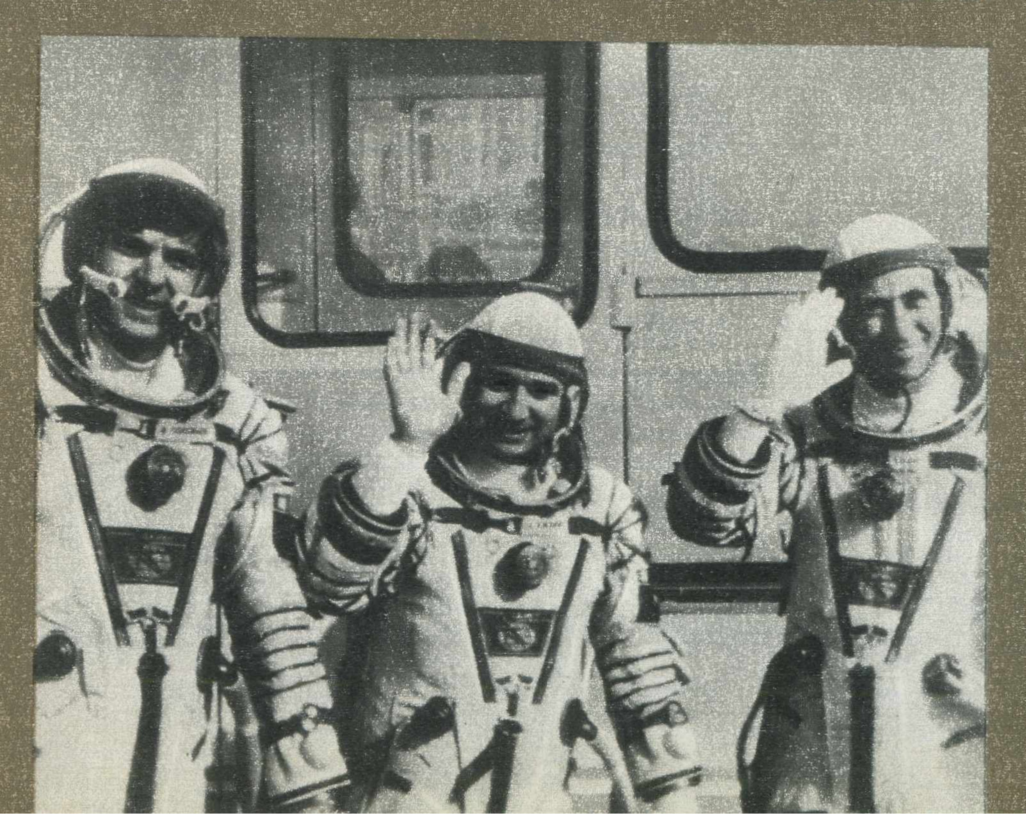
Первый космонавт дружественной Индии Ракеш Шарма с советскими космонавтами Ю. В. Малышевым (слева) и Г. М. Стрекаловым.

Многие километры лунной поверхности исколесили наши «луноходы», выполняя научные исследования.

Самый длительный на сегодняшний день космический полет с обширной программой исследования космического пространства в мирных целях совершили космонавты В. А. Соловьев, Л. Д. Кизим и О. Ю. Атьков.

Фото В. Кузьмина, А. Пушкарева (ТАСС)

Владимир Ремек — первый космонавт ЧССР и Алексей Губарев.

Фото А. Пушкарева (ТАСС)

Академик
О. Г. ГАЗЕНКО,
директор Института
медико-биологических
проблем

ПО ЗВЕЗДНОЙ ДОРОГЕ

Незадолго до полета Юрия Гагарина в космос, в ноябре 1960 года, Сергей Павлович Королев писал, что «задача советской науки состоит в том, чтобы обеспечить надежный полет и безусловно гарантированное возвращение на Землю советского человека из космического полета». Он выражал уверенность, что эта задача будет успешно разрешена. Олег Георгиевич, что стояло за такой уверенностью?

— Часто о полете первого человека в космос говорят: «совершен шаг в неизвестное». Это утверждение, на мой взгляд, правильно только отчасти. Для совершения человеком «космического» шага мы тогда уже располагали необходимой суммой знаний. И именно поэтому Королев был спокоен и уверен.

К тому времени, когда на повестку дня был поставлен вопрос о возможности полета в космос человека, у специалистов-медиков был немалый опыт изучения тех условий и воздействий, с которыми первому землянину предстояло там встретиться.

Условия космического полета моделировали на Земле — были созданы различные тренажеры, центрифуги, баро- и сурдокамеры, с помощью которых изучалось действие на человеческий организм ускорения, перегрузок, различных температурных режимов, шума, вибрации... Разрабатывались соответствующие средства защиты. Был накоплен довольно обширный материал и о действии на живой организм самого неизвестного фактора предстоящего полета—невесомости. Первые живые существа, совершившие односуточный полет на орбиту Земли, собаки Белка и Стрелка, благополучно возвратились. В марте 1961 года были осуществлены полеты животных и многочисленных биологических объектов на четвертом и пятом кораблях-спутниках. «Биологическая разведка» шла успешно.

А будущие космонавты проходили тем временем наземные тренировки — на специальных самолетах-лабораториях они знакомились с совершенно необычным для человека состоянием невесомости.

И все-таки никакие исследования не могли полностью ответить на главный вопрос: сможет ли человек совершить космический полет и выдержать все присущие такому полету нагрузки. Ведь немало ученых утверждали тогда, что человек не сможет трудиться в состоянии невесомости, психика его не выдержит страха перед космической бездной.

Поэтому полет Юрия Гагарина был подвигом, новым словом в отечественной и мировой науке.

— Сколько людей сегодня стартовали в космос?

— Двести два космонавта и астронавта. Многие из них даже неоднократно. Мало того — десять представительниц прекрасной половины человечества приняли участие в космических полетах! Если всю сумму времени, проведенного людьми в космосе, представить как полет одного человека, получится более 16 лет! От 108 звездных минут Юрия Гагарина на корабле «Восток» до многомесячных экспедиций на советских орбитальных научно-исследовательских станциях — впечатляющая дистанция. Вот и сейчас на орбите на новом научно-исследовательском комплексе — станции «Мир» — работают Леонид Кизим и Владимир Соловьев.

— Как расширились возможности для работы человека на орбите Земли?

— Приведу опять несколько весьма впечатляющих цифр. Самая продолжительная космическая экспедиция — Леонида Кизима, Владимира Соловьева, Олега Атькова — продолжалась 237 суток. Наш «долгожитель» Валерий Рюмин за три полета провел в космосе целый год, причем перерыв между первым и вторым длительными полетами составил всего около полугода.

Расширились и возрастные границы космонавтов. Это чрезвычайно важно, так как дает возможность посылать на станции высококвалифицированных специалистов. Я вспоминаю, как Сергей Павлович Королев по-хорошему завидовал Юрию Гагарину и жалел, что не может сам совершить космический полет: не позволяет возраст. Королеву тогда было 54 года. Именно в таком возрасте Георгий Гречко в прошлом году совершил свой третий рейс в космос. Люди, получившие профессию «космонавт», успешно трудятся на протяжении многих лет: у Валерия Быковского между первым и последним полетами прошло 15 лет. Есть примеры, когда перерыв между полетами составлял 10, 12 лет. И все это время космонавты поддерживают хорошую форму и готовность к работе. Пять раз побывал в космосе Владимир Джанибеков.

Я привел эти примеры не случайно — они наглядно показывают, насколько продвинулись вперед исследования по медико-биологическому обеспечению работы человека на орбите Земли.

С каждым годом возрастают объем и сложность работ, проводимых и вне корабля, в открытом космосе. После Алексея Леонова, совершившего первый выход из корабля, 15 советских космонавтов около 90 часов провели за пределами своих космических домов, выполняя там различные научные исследования, монтажные и ремонтные работы. Выбранная советскими специалистами стратегия постепенного, последовательного увеличения времени пребывания человека в космосе вполне себя оправдывает и позволяет все увереннее обживать космическое пространство.

— Каковы же основные выводы, вытекающие из 25-летнего опыта изучения состояния человеческого организма в условиях космического полета?

— Сегодня мы многое знаем о реакциях организма на невесомость, в основном понимаем механизмы их возникновения. Человек удовлетворительно приспосабливается к длительному воздействию невесомости, а по окончании продолжительных полетов— к земной гравитации, то есть успешно возвращается к плодотворной жизни на Земле.

Мы достаточно ясно и полно представляем себе общий ход процесса адаптации к невесомости, отдельные фазы этого процесса, работу физиологических систем, которые вовлекаются на том или ином этапе адаптации. Выработаны принципы и методы, которые позволяют управлять состоянием здоровья человека, совершающего космический полет. Правда, нельзя утверждать, что они стопроцентно эффективны. К сожалению, пока еще нет. Ученым предстоит многое узнать и сделать, чтобы глубже понять природу индивидуальных физиологических реакций каждого космонавта.

Если говорить о работе в околоземном пространстве, на тех орбитах, где сейчас совершаются космические рейсы, можно с достаточной степенью уверенности сказать, что непреодолимых биологических препятствий для длительного пребывания человека в космосе не обнаружено. Однако каждый новый шаг в космосе должен быть заранее скрупулезно взвешен, оправдан, должен опираться на самое тщательное и детальное изучение всего имеющегося опыта.

— Мы настолько уже привыкли к длительным космическим полетам человека, что порой создается впечатление, что чуть ли не все проблемы решены...

— Если бы! Мне не хотелось бы сегодня подробно останавливаться на нерешенных еще проб-

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ВКЛАДКИ:
На работу * Транспортировка ракеты-носителя с космическим кораблем к месту старта.

НА ВТОРОЙ СТРАНИЦЕ ВКЛАДКИ:
Байконур. Монтажно-испытательный корпус * Центрифуга.

НА ТРЕТЬЕЙ СТРАНИЦЕ ВКЛАДКИ:
Космическая рапсодия.

НА ЧЕТВЕРТОЙ И ПЯТОЙ СТРАНИЦАХ ВКЛАДКИ:
Юрий Гагарин с дочками Леной и Галей.

НА ШЕСТОЙ СТРАНИЦЕ ВКЛАДКИ:
Инженеры космоса.

НА СЕДЬМОЙ СТРАНИЦЕ ВКЛАДКИ:
Космонавты Валерий Кубасов и Берталан Фаркаш во время тренировки на выживание в тайге * Черное море. Тренировка космонавтов на случай приводнения.

Фото А. МОКЛЕЦОВА

ССР
ССС

лемах, это тема особого разговора. Требуют совершенствования методы и тесты отбора и подготовки космонавтов, в том числе психологической совместимости экипажа. Многое предстоит сделать, чтобы увеличить эффективность средств профилактики неблагоприятного действия на организм человека невесомости и познать механизмы изменений, происходящих в организме в условиях длительного космического полета, скажем, обмена веществ, изменения обмена кальция и ряд других.

Накопление медицинской и биологической информации должно привести нас к более продуманной оценке не только роли человека в космосе, но и к более полному пониманию возможных осложнений и трудностей, с которыми он может столкнуться в будущих полетах. По существу, это означает непрерывное повышение безопасности полетов. Как? Путем большей надежности космической техники и надежности самого человека, физиологической и психологической. Еще немало сложных проблем требуется решить для успешного продвижения человека по бескрайней дороге космоса...

— А как используются достижения космонавтики для решения наших земных проблем, например, в медицине?

— По мере развития пилотируемых космических полетов совершенствовались и методы медицинского обеспечения космонавтов, контроля за состоянием их здоровья, расширялись знания о возможностях самого человека, о методах управления процессом приспособления организма к условиям внешней среды.

Все это имеет непосредственное отношение и к делу охраны здоровья людей на Земле. Многие методы и приборы, созданные для медико-биологических исследований в космосе, сегодня с успехом используются для диагностики и лечения различных заболеваний, для массовых профилактических обследований.

Возьмите телеметрическую систему непрерывного контроля электрокардиограммы. Она используется в клинике сердечно-сосудистых заболеваний. Прибор «Аргумент» для ультразвуковой локации сердца и крупных сосудов применяется при экстренной диагностике сердечно-сосудистых заболеваний в отделениях интенсивной терапии и в машинах скорой помощи. Прибор «Тонус» для электростимуляции мышц необходим в травматологической практике, например, при лечении плоскостопия, мышечных атрофиях. Еще один созданный для космоса прибор — «Оксиметр» применяется для изучения кислородного снабжения тканей человека. И такой список постоянно расширяется.

Перспективным представляется и использование условий космоса для получения медицинских препаратов и лекарств такой степени чистоты и в таких количествах, которые невозможно получить в земных условиях.

Как показывает весь опыт прошедших лет, мирное освоение космоса может дать очень много для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством, для развития и совершенствования жизни на Земле.

Беседу вел Виктор ПИЩИК.

Напряженной жизнью живет Центр управления полетами.

КЛЮЧ НА СТАРТ!

Валерий РЮМИН, летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза, руководитель космическими полетами

Байконур! С этим местом на Земле я связан давно и крепко. Первый раз приехал сюда в 1967 году. Впечатление поначалу было ошеломляющим. И от зрелища стартов, когда из лавины огня ракеты уходят в небо. И от степи. Зря говорят, что она однообразна. Совсем нет. Один образ, когда мороз сорок градусов и ледяной ветер; и другой — под ослепительным солнцем, и тоже сорок градусов, но уже жары.

Но есть на Байконуре короткое и прекрасное тюльпанное время. В цветах вся степь, цветы в столовой, за стеклами машин, в бункере. И, конечно, у памятников Владимиру Ильичу Ленину, Главному конструктору Сергею Павловичу Королеву, у обелиска в память запуска первого искусственного спутника Земли. На пьедестале выбито: здесь гением советского человека начался дерзновенный штурм космоса. 1957 год.

Недалеко от стартовой площадки, откуда уходили первые космические корабли «Восток»,— несколько домиков. Теперь на них мемориальные доски. В одном с 1956 по 1966 год жил и работал Сергей Павлович Королев, когда приезжал на Байконур, в другом провел ночь с 11 на 12 апреля 1961 года Юрий Гагарин, ночь перед первым в мире стартом в космос.

Неподалеку огромное здание монтажно-испытательного корпуса. Сюда по рельсам с разных заводов страны приходит техника. Ее окончательно здесь собирают, отлаживают, испытывают, отправляют в полет.

В назначенный день и час огромные двери этого корпуса открываются. К платформе с ракетой подходит тепловоз. По королевской традиции, люди идут рядом с ракетой, провожают ее на стартовую площадку.

Как конструктор, я участвовал в работе по запуску межпланетных автоматических и первых пилотируемых станций. Провожал своих друзей-космонавтов в полет. Здесь, на Байконуре, завладело мной желание самому полететь в космос, я подал заявление с просьбой зачислить меня в отряд космонавтов.

А потом начался для меня следующий этап жизни. Трижды я уходил с Байконура в космос. Вел положенную предстартовую работу — прием техники, на которой летишь, примерка скафандров. Здесь, как и все космонавты, перед стартом висел вниз головой, готовился к невесомости. Еще и еще раз все «проигрывал» на байконурских тренажерах. Ехал из гостиницы «Космонавт» к старту, ждал в ракете команды: «Ключ на старт!»

Стартовый ключ! Как он дорог каждому космонавту. По традиции после полета, когда мы возвращаемся на Землю, его передают нам.

В самом городе мне редко приходится бывать — всегда нет времени. Едешь туда — скажешь про себя: "Здравствуй, город!" Едешь назад — видишь из окошка машины, как он растет и хорошеет, много зелени, много ребятишек на улицах. И с каждым годом все больше...

Сейчас, когда я занимаюсь полетами из ЦУП(а), для меня Байконур опять новый. Он стал для меня символом надежности. Надежности людей, надежности космической техники. Я знаю всех тех слесарей, монтажников, испытателей, что работают на Байконуре. Знаю, как они живут, как преданы своему делу.

Я верю им. Полетная техника, новые космические старты — в их надежных руках.

Центр управления полетами

А. Леонов, А. Соколов. НА МИРНОЙ ОРБИТЕ. 1986.

Среди книг

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ КОСМОНАВТИКИ

...В ледяном безмолвии севера движется ледокол. Путь его извилист, он следует по излому трещин и выходит, наконец, туда, где лед тоньше. Четко по курсу его вывел «космический штурман».

А в другом полушарии Земли корабль пересекает воды теплого океана, двигаясь прямо к намеченной гавани. Но вдруг он меняет курс — космический предсказатель сообщает, что навстречу ему перемещается циклон.

Так космос помогает сегодня нашим земным делам. Был и такой случай. Градостроители выбирали места для новых домов отдыха и пансионатов в Подмосковье. Перед окончательным решением познакомились со снимками этих районов из космоса. И вынуждены были внести в проект значительные изменения: из космоса было видно, что местность здесь загрязнена промышленными выбросами.

О том, как работают космические штурманы, предсказатели погоды, контролеры полей, лесов, и о многом другом рассказывается в книге «Космонавтика СССР», выпущенной издательствами «Машиностроение» и «Планета» к 25-летию полета в космос Юрия Гагарина. Книгу можно назвать иллюстрированной историей космонавтики от проектов Н. И. Кибальчича и теоретических расчетов К. Э. Циолковского до наших дней. Среди авторов книги известные ученые, космонавты, писатели, журналисты. Авторы не избегали объяснений сложных научных и технических проблем, но стремились к популярному их изложению.

С неослабевающим вниманием читается историческая часть книги. Местами рассказ принимает форму доверительной беседы. Иллюстрации, цветные фотографии, сопровождающие текст, делают монографию емкой, запоминающейся... Вот формула, записанная рукой Циолковского. Фотографии первых энтузиастов ракетостроения. Они стоят вокруг своей ракеты плотной группой. Впервые здесь публикуются снимки самой мощной современной ракеты — «красавицы Протон», как ее называют космонавты. Она выводит на орбиты тяжелые корабли дальнего следования.

Книга знакомит с увлеченными учеными, конструкторами: Ф. А. Цандером, Ю. В. Кондратюком. И, конечно, с Главным конструктором и Главным теоретиком — С. П. Королевым и М. В. Келдышем. Имя С. П. Королева буквально не сходит со страниц книги.

«Если ты сам взялся, согласился со сроками и если ты порядочный человек,— должен выполнить свое обещание» — эти слова часто слышали от Королева его помощники. Ему были присущи осторожность и смелость, дальновидность, и главное — неугасимый оптимизм. Даже в неудаче он видел светлую сторону. Вот как рассказывает заместитель Королева К. Д. Бушуев об одном «неудачном» опытном запуске. Корабль из-за неполадок вместо торможения получил ускорение. Но Королев не выказал огорчения, успокаивал всех. Говорил, что это первый опыт перехода с одной орбиты на другую. «А спускаться на Землю корабли, когда надо и куда надо, у нас будут»,— твердо сказал он тогда.

Шаг за шагом прослеживается в книге путь развития космонавтики. Каждый полет что-то подтверждает, отвергает, дает толчок новым гипотезам.

Нет, не все было гладко, в таком сложном деле не бывает без ошибок и сбоев. О них тоже рассказывается. Приводятся случаи приземления космонавтов в труднодоступных районах, показывается работа службы спасения.

Когда в космос отправляется очередная бригада, наше внимание приковано к героическому труду космонавтов. Но за каждым запуском стоит героический труд рабочих, конструкторов, ученых. Космонавтика — всенародное дело, и это очень убедительно показано в книге.

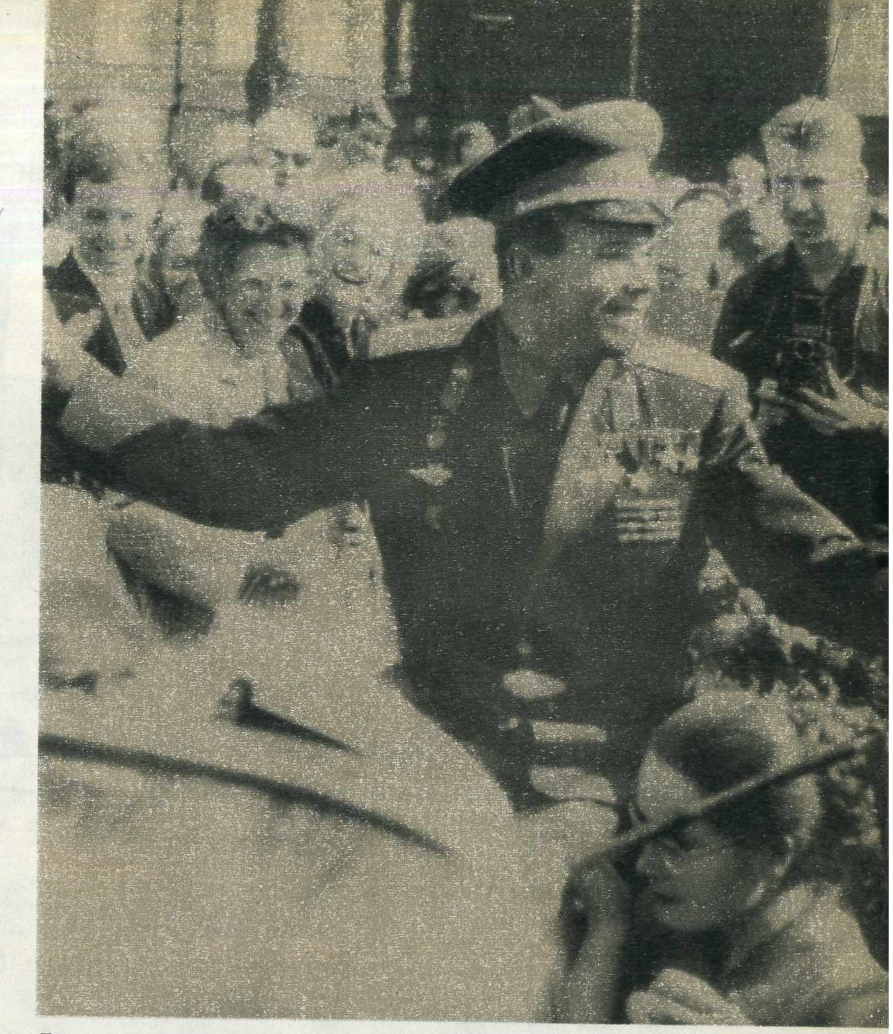
Важнейшие проблемы современности — энергетическая, охрана окружающей среды, проблема сохранения мира на Земле — не решаются сегодня без космонавтики. Ученые думают над проектами пересылки энергии из космоса на Землю, в ближайшее время будет создана космическая система для постоянного контроля за состоянием окружающей среды на всем земном шаре. Интересы всех государств сходятся на космических орбитах, потому что Земля из космоса видится как единый организм, единый дом людей. И, может быть, надо было подняться на космическую высоту, чтобы руки всех народов скрестились в едином рукопожатии.

«Думаю, что работа наша особенно будет интересна для молодежи, для формирования космического мировоззрения человека. Это приближает космические дела к нашим земным. А это очень важная задача. Молодежи уже сейчас надо подключаться к участию в развитии космической индустрии. Первый научно-промышленный комплекс уже начал монтироваться на орбите...» — так оценил значение книги академик В. С. Авдуевский.

Маргарита ЧИЖОВА

Главный конструктор ракетно-космических систем С. П. Королев и Главный теоретик М. В. Келдыш.

Дания приветствует первого космонавта.

Снимок из коллекции Ярослава Копецки.

А. АЛЕКСЕЕВ

Визит Гагарина на Кубу был одним из самых первых, которые он совершил в зарубежные страны, а через несколько дней после его полета в космос кубинцы разгромили наемников американского империализма, высадившихся на Плайя Хирон в апреле 1961 года. Тогда был учрежден первый орден революционной Кубы — «Плайя Хирон». Первым награжденным этим орденом стал Юрий Гагарин. Фидель Кастро вручил ему награду 26 июля на массовом митинге в Гаване перед миллионной аудиторией. Я тогда работал советником нашего посольства в Гаване, и мне было поручено сопровождать Гагарина в поездке по стране.

В день прилета Гагарина вся Гавана высыпала на улицы, по которым он проезжал. Чтобы встретить его, все кубинское руководство во главе с Фиделем Кастро прибыло на аэродром Хосе Марти. Самолет «Ил-18» уже произвел посадку, как вдруг разразился страшный тропический ливень. Несмотря на ливень, все встречающие оставались на своих местах. Вместе со всеми стоял под дождем и Фидель Кастро.

И вот на трапе показался Гагарин в белоснежной форменной рубашке с короткими рукавами. Кто-то сзади набросил ему на плечи плащ. Когда Гагарин увидел кубинцев, которые ждали его под проливным дождем, он сбросил плащ и, пока сбегал по трапу, намок, как и все встречающие. Раздались бурные аплодисменты, Юрий стал сразу своим, близким.

Помню, как, выступая перед студентами Гаванского университета, он сказал, что придет день, когда вместе со своими советскими братьями в космос полетят и кубинцы. Эти слова сбылись: через два десятилетия в космос поднялся гражданин Кубы Арнальдо Тамайо Мендес.

С Гагариным неоднократно встречались Фидель Кастро, Рауль Кастро, Эрнесто Че Гевара. Все они тогда были молоды, почти одногодки: Гагарину было 27, а Фиделю — 34 года.

Запомнилась одна из бесед с Че Геварой. Гагарин расспрашивал его о партизанской борьбе в горах Сьерра Маэстра и недавнем разгроме американских наемников на Плайя Хирон. Че рассказывал, как он в Мексике познакомился с Фиделем Кастро, как отряд повстанцев добирался на Кубу на яхте «Гранма». Особенно впечатляющим был его рассказ о партизанской войне в горах, приведшей 1 января 1959 года к победе революции.

Че интересовался космической техникой и расспрашивал Гагарина о его переживаниях во время полета. Гагарин обратил внимание на то, что Че каждые 10—15 минут пользовался ингалятором. Че объяснил, что он страдает астмой с детских лет, и пошутил, что готов полететь в космос, если это излечит его. Чувствовалось родство душ двух замечательных людей. Им обоим были присущи простота, честность, оптимизм, доверие к людям. Потом они встретились в ноябре 1964 года в Москве, когда было создано Общество советско-кубинской дружбы. Его президентом избрали Гагарина. Это была их последняя встреча.

Помню поездку Гагарина на отдых в Варадеро. Там не было никаких протокольных мероприятий. Юрий захотел пойти на многолюдный пляж отеля «Интернасиональ». Там был хороший бассейн с высоким трамплином. Гагарин решил прыгнуть с верхней площадки. Первый же его прыжок вызвал возгласы восхищения и бурные аплодисменты. Сначала его никто не узнал, но после второго или третьего прыжка послышалось неуверенно произнесенное слово: «Гагарин». А через мгновение он был «разоблачен». Собралась многочисленная толпа. К бассейну, обгоняя друг друга, бежали люди. Опустел находившийся поблизости ресторан. Все стремились увидеть Гагарина. Многие протягивали ему открытки, книжки, сигаретные коробки и просили расписаться на них. Он никому не отказывал.

Весть о присутствии первого космонавта в Варадеро быстро облетела все пляжи и город. Спокойный отдых Гагарина кончился. И, несмотря на это, Юрий был дово-

ХЛЕБОПЕК И ГАГАРИН

Сергей АНДРЕЕВ

●

Вы королям письма пишете? А президентам? Нет? И я нет. А вот Ярослав Копецки из Праги написал, и не одно. Он коллекционер, собирает все об освоении космоса, и ему «очень, очень нужно получить фото первого космонавта Земли, которого вы, ваше величество, принимали».

Как правило, через некоторое время приходили в Прагу, на маленькую горбатую улочку, название которой «На столярке», толстые конверты с фотографиями. Правда, случались и казусы. Из канцелярии короля (президента, премьер-министра) Копецки сообщали, что обращение «уважаемый», мягко говоря, коротковато. Надо бы с полным титулом, так-то и так-то. И он переписывал, но своего добивался.

Пусть не сложится у вас впечатление, будто коллекция Ярослава пополнялась только за счет даров высокопоставленных особ. Рассказ о переписке с королями — это просто иллюстрация увлеченности собирателя, его упорства.

...С трудом снял Ярослав с полки большущий чемодан и пояснил: здесь только самое дорогое, а остальное на даче — материалов так много, что их в квартире не разместить. Но и того, что в чемодане, хватило на несколько часов разглядывания, на многие рассказы, комментарии. Это своего рода передвижная выставка, которую мастер-хлебопек Копецки, коммунист с 1948 года, устраивает на предприятиях, в клубах, домах культуры.

Фотографию Юрия Гагарина с его автографом Копецки считает самой ценной в своей коллекции. В 1961 году Гагарин приехал в Прагу. Ярослав ходил встречать его, но в первый раз увидеть Гагарина не удалось — Вацлавская площадь была забита народом, а Ярослав роста невысокого, из-за спин впереди стоящих ничего не было видно. Зато на заводе ЧКД, наконец, смог подойти к первому космонавту Земли...

Вот фотография, подписанная Валентиной Терешковой, снимки с автографами почти всех наших космонавтов, добрые пожелания коллекционеру от космонавтов Чехословакии, ГДР, Польши, других социалистических стран, портреты, присланные американскими астронавтами, с их автографами. Снимаются американцы вместе, всем экипажем. Цветные фотографии в специальных рамках, хоть на стену вешай. Нарядные, броские. Подумалось: не пора ли нам создать Центр пропаганды советской космонавтики? Фотографии, сделанные на Байконуре, на борту космических кораблей, могли бы не только пополнять собрания коллекционеров, но и украшать стены молодежных клубов, а ребята так тянутся к подвигу, к космосу, к новой технике! У нас есть о чем рассказать. Не только о полетах, но и о том, как живет память о космонавтах. О городах, улицах, кораблях, названных их именами. У меня сохранилась фотография океанского корабля «Виктор Пацаев», строившегося на заводе имени Жданова. Такие суда помогают космическим кораблям осуществлять связь с Землей, принимают и обрабатывают информацию, получаемую из космоса. Этот снимок с автографами Германа Титова и членов семьи космонавта Виктора Пацаева я подарил Копецки...

Есть в Чехословакии люди интересной, редкой профессии — хроникеры. Изо дня в день записывают они все наиболее важное, что случилось в их селе, городе. Иным хроникам уже несколько веков. Ярослав Копецки тоже ведет хронику — пишет историю космонавтики. Не по обязанности, не по поручению горсовета. Для себя. И для всех нас.

Прага.

Фидель Кастро на встрече с советскими космонавтами в Кремле.

В ОБЪЯТИЯХ У КУБИНЦЕВ

лен. Его радовала искренняя, по-кубински пылкая любовь к нему, гражданину Советского Союза.

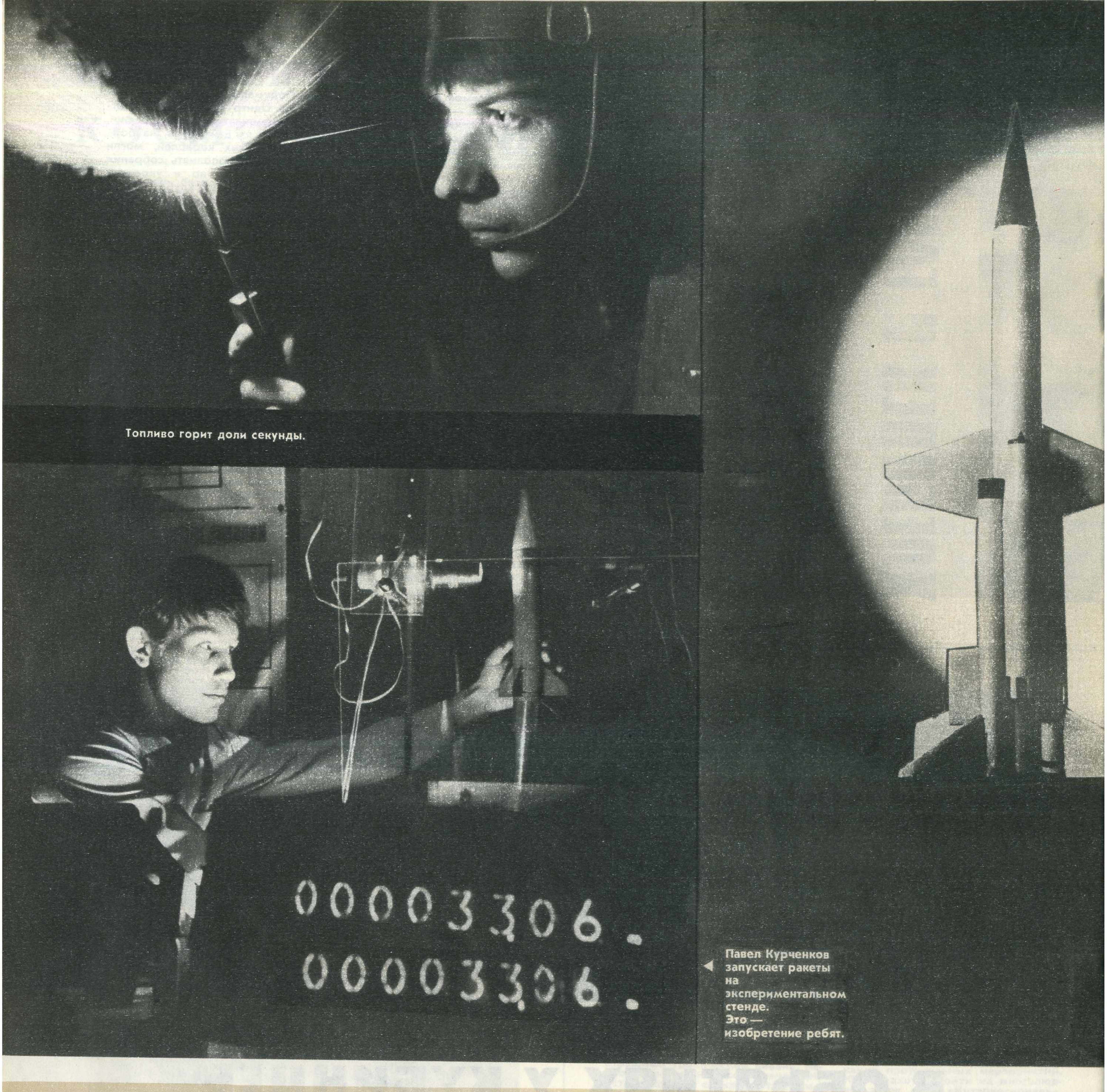
Уходили с пляжа мы уже не одни. За нами тянулось много людей. Мальчишки стайками обгоняли нас, забегали вперед, пытались заговорить с Гагариным, используя свой небольшой арсенал русских слов: «Ленин», «спутник», «дружба», «товарищ», «спасибо». Когда Гагарин еще раз окунулся в море, за ним вошли в воду все, кто находился рядом. Это было массовое купание, которое доставило Гагарину истинное наслаждение. Несколько раз он отрывался от купающихся и уплывал далеко от берега. Очень немногие успевали за ним, да и редко кто решался так далеко удаляться в море. Эти заплывы Гагарина вызвали переполох у кубинцев, отвечавших за его безопасность, так как среди них мало кто мог с ним состязаться. Наступил вечер, и уже надо было возвращаться в Гавану, а толпы людей не только не редели, но все больше увеличивались. Так продолжалось до самого отъезда.

Сотни людей, видевших Гагарина в Варадеро, разнесли о нем славу как о простом, симпатичном и обаятельном человеке.

Перед отлетом Гагарина Фидель пригласил его на дружеский ужин, а потом — дело было уже к полуночи — предложил совершить поездку по городу. Фидель решил «замаскировать» Гагарина и посмотреть, узнают ли его. Ведь радио уже сообщило о его отлете. Гагарин был в белой рубашке без погон и выглядел, как большинство лиц, сопровождавших Фиделя. Вся маскировка заключалась только в том, что Фидель надел на Гагарина свой берет, и в таком виде он стал действительно похож на кубинца. Первый выход состоялся на территории Гаванского университета, где еще было довольно много студентов. Вокруг Фиделя сразу образовалась плотная толпа. Фидель говорил о студенческих проблемах, отвечал на вопросы студентов.

На Гагарина, стоящего рядом, никто не обращал никакого внимания. Тогда Фидель начал спрашивать, понравился ли им Гагарин, что они думают о нем.

Беседа длилась около 15 минут, и никто из присутствующих не узнал Гагарина. Фидель был очень доволен, что фокус ему удался. Теперь, сказал он, поедем в старую Гавану на площадь Центрального парка, где в это время ночная жизнь бьет ключом. Действовали по тому же сценарию, что и в университете. Несколько минут Гагарин не пользовался вниманием окружающих. Правда, один из присутствующих в толпе долго и упорно вглядывался в него, казалось, что он узнал космонавта. Но сообщение по радио о его отлете, видимо, не позволило кубинцу высказать вслух свою догадку. Он долго присматривался, наконец, не выдержал и воскликнул: «Да это же Гагарин!»

Топливо горит доли секунды.

Павел Курченков запускает ракеты на экспериментальном стенде. Это — изобретение ребят.

Ирина ТОЛКАЧЕВА

Фото Михаила САВИНА

ИГРА? НЕТ — ПРОФЕССИЯ

Дорогу от станции пугливые прохожие не очень-то жалуют. Взрывы... ракеты... мало ли что...

Несколько ребят разного возраста собрались в кучку около «игрушечной» ракеты. Двое в прозрачных пластмассовых масках колдуют с колбами и шприцем: заряжают топливом двигатель. Один стоит наготове с угломером — определяет высоту полета. Остальные — на подхвате. Команда: «На наблюдательный пункт!» Вежливое к прохожим: «Подождите, пожалуйста, минутку здесь».

— Пять, четыре, три, два, один...

Грохот. И, распугивая птиц, летит высоко в небо маленькая красная ракета.

— Попробуйте еще кислорода добавить. Должна выше взлететь.— В напряженной тишине после взрыва голос звучит неожиданно спокойно.

Настороженный взгляд прохожего уже

Может быть, такие корабли будет строить ▶ Миша Корников, став взрослым!..

На старте.

давно выделил в гуще ребятишек высокую фигуру взрослого. Учитель!

Борис Николаевич Чугунов не учитель. Он руководитель кружка космической техники при Доме пионеров в подмосковном городке Ивантеевка. А вообще он преподаватель на кафедре «Двигатели летательных аппаратов» в МВТУ имени Н. Э. Баумана, председатель секции общественных конструкторских бюро и ракетно-космического моделизма Федерации космонавтики СССР.

— Кружок наш существует в Ивантеевке уже больше десяти лет, и он не совсем обычный,— рассказывает мне Борис Николаевич.— Здесь не развлекают ребят, лишь бы отвлечь от праздного шатания по улицам. Шефом его является МВТУ, и цель у него серьезная — готовить кадры для института или для отрасли. Ребята постигают будущую свою профессию на уровне введения в специальность, приучаются научно мыслить, проводить исследования и эксперименты, учатся удивляться, ставить вопросы и искать на них ответы.

В кабинете, где ребята занимаются,— чертежи, графики, таблицы. Макеты ракет и реактивных снарядов. Колбы, фарфоровые ступки для приготовления реактивов. А в другой комнате — станки. На них ребята сами вытачивают детали будущих ракет.

— Как вы думаете, что это такое! — Борис Николаевич Чугунов показывает мне бумажку, свернутую в трубочку и перемотанную изолентой.— Самое настоящее изобретение в области ракетного моделирования. С ним к нам пришел Миша Корников, когда еще был в третьем классе.— И, отвечая на мой невысказанный вопрос, говорит:— Вообще-то принимаем мы шестиклассников. Но для талантливых ребят всегда делали исключение. Сережа Васильев сейчас учится на четвертом курсе, а начинал в кружке тоже с третьего класса.

А вот Боре Чугунову только семь лет. Приходит он сюда на правах любителя, с папой. И уже не мыслит себя никем иным, как ракетчиком. Маленький Боря — четвертое поколение ракетчиков в семье Чугуновых.

...Когда я приехала в Ивантеевку, здесь шел очередной эксперимент — отработка детонационных ракетных двигателей, то есть работающих от взрыва. С окрестных улиц сбежалась малышня.

Ракета взлетела. Вдруг она нелепо завертелась и неловко стала падать.

— Смотри, смотри, авария!

— Топлива мало.

— Много ты понимаешь — топлива! Стабилизаторы оторвало!

Кружковцы уже на месте приземления спокойно и сосредоточенно изучают, измеряют, обсуждают результат очередного испытания, сравнивают с предыдущими. Идет работа...

Михаил

БОРИСОВ

ПОЭМА

ЦВЕТ ОГ

Людская память
да не канет в Лету!
И потому
В степном
Глухом краю,
Забыв про сон,
Пишу поэму эту,
Пишу ее как исповедь свою.
В скупых строках
за годом год итожа,
Велю герою жить не за двоих —
Его судьба
С моей судьбою схожа,
Близка и судьбам
сверстников моих.
Мы с ним пройдем
путями фронтовыми,
Найдем любовь,
Затем взгрустнем о ней
Во имя братства нашего.
Во имя
Бессмертной славы
мирных наших дней.
Пройдем сквозь все
шальные непогоды,
Чтоб на земле,
Как враг ни угрожай,
Когда-нибудь из нынешней пехоты
Не вызрел снова
страшный урожай.
Нельзя на свете мир упрочить
свято,
Забыв войны повальное жнивье...
Тому и служит исповедь солдата —
И долг мой, и оружие мое.

Глава первая

I

На отчий край враги
напали скопом,
Зашлась над ним
Сплошная круговерть.
На бруствере соседнего окопа
Ликующе приплясывает Смерть.
Ей все равно,
Кого свалить убойно,
Кого из нас подрезать на ходу,—
Легко, бездумно и бесперебойно
Справляет Смерть горячую страду.
Полк для нее,
Что поле для покоса:
Взмахнет косой
и раздудит плечо!
Сейчас за бруствер
Не покажешь носа,
Сейчас на дне окопа горячо.
Страду бы эту выдержать
до ночи,
Упасть ничком
В прохладное жнивье...
Но может и страшнее, и жесточе
Прерваться ожидание твое.
Все может быть.
На то пора такая.
На то и ярость клятого врага.
По всей округе свищет,
Не смолкая,
Свинцовая каленая пурга!
В ее тисках корежится пехота,
И свет, и небо костеря в раскат.
О дне грядущем
думать неохота —
Здесь ближе и надежнее закат.

Война, война!..
От края и до края
Она гремит, все доброе круша,
Но бил сквозь дым
Мой ротный пулемет,
Сквозь пламя бил
в орущие фигуры.
За мигом миг
Сжимался жаркий круг,
Пылая по-заобלачному шало.
— В огонь его! —
Ревело все вокруг
И смрадом раскаленным
обжигало.
Впивались в руки щупальца огня,
В лицо,
В мои сержантские погоны...

А надо бы дожить до бела дня
Да сохранить
До бела дня патроны.

Не дотяну —
И враг прорвется вновь,
Настанет день
страшней ночного ада,
Пролив свою,
Пролив живую кровь,
Полягут бездыханными ребята.
Кого потом до дрожи не проймет
Немой укор имен на обелиске?..
Теперь строчит все реже
пулемет —
Я берегу оставшиеся диски.
А сам хриплю,
Хриплю, прикрыв глаза,
Как будто жду
единственного шанса:
— Скорее же
Светлейте, небеса,
Мне до рассвета
надо продержаться!

И тут в ответ ударил миномет.
Хотя и бил он поначалу мимо,
По сути, человечество карая
И не платя за жизни ни гроша.

II

Смогу ль забыть о времени я том?
Ведь до сих пор
Из сутеми вечерней
Война, хрипя,
врывается в мой дом,
В мой каждый сон,
Обугленный до черни.
И вот, родные кинув берега,
В «котел» ныряю на разводье
узком,
В бурлящее пристанище врага,
В рассвет,
Что мне не выпал под Бобруйском.

Опять,
Как только вспомнил о рассвете,
Надвинулось, пошло и понесло
Из тьмы веков,
Из тьмы тысячелетий
Откормленное недругами зло.
Оно,
Над полем
Выпластав ладонь,
На всю планету заорало слепо:
— В огонь его.
В огонь его!
В о-гонь!..
И встал огонь,
Распахнутый в полнеба.
Взяв с ходу в клещи
летошний омет,
Он выпустил на волю дымокуры.
Обложен был
Разрывами
Омет
Со мной,
Ослепшим
От огня и дыма.

Ну вот и все.
Не дотянул до дня.
Не помогла ничем
судьба-хитрюга...
Но — взрыв!
И, словно камешек, меня
Из огненного выбросило круга.

Глава вторая

I

И все-таки я дожил до рассвета!..
И пусть, не спорю,
Где-то повезло,
Ведь смог и сам
В ночную пору эту
Воздать врагам по первое число.
Но как меня ни славили ребята,
Каким жестоким ни считали бой,
Семнадцать дней
В палатке медсанбата
Не только он вставал передо мной.
Не только он...
Наверное, недаром
Со школьных я,
С дофронтовых времен
Впервые был иным охвачен
жаром,
Иным огнем душевно озарен.

●

Как будто свет живой обещан
Был мне,
Восставшему из тьмы.
Друзья мои,
Как часто женщин
Достойно чтим лишь в горе мы.
Они из века в век повсюду,
В любом аду,
В любой глуши
Врачуют горькую остуду
Мужской обугленной души.
Едва придет к тебе когда-то
Одна из них —
И стыни нет,
И исчезает хмарь заката,
И над землей встает рассвет.
Любовь?
Еще ее зарница
Не кажет всей земной красы,
Но дни уже,
Как говорится,
Летят быстрее, чем часы.
Я сам был радостен и весел,
Совсем как ветер гулевой,
Забыв к чертям о том,
Что «мессер»
Кружит почти над головой.
В ту пору мне
Уж больно льстило
То обстоятельство, что я,
Пластун,
Окопное светило,
Ей поверял «вся жизнь своя».

II

Была сестрой в санбате том
Татьяна.
Похожая, возможно, на других,
Она весенней зорькой
Постоянно
Царила в сновидениях моих.
По целым дням,
Одолевая смуту
И рвя кольцо неистребимых мук,
Я каждую,
Поверите ль, минуту
Ловил сапожек легкий перестук.
А коль еще с улыбкою живою
Войдет и тихо спросит:
— Как дела?..—
То воспарял буквально над землею,
Над горестной,
Над выжженной дотла...
. . . .
А фронт спешил.
Он уходил к закату,
Он клокотал,
Он ширился,
Он рос,
Его размах не подчинялся взгляду
Сквозь дымку русых
Таниных волос.

...Мы распрощались с ней
В мгновенье ока,
Когда,
Презрев
Свой белоснежный рай,
Из медсанбата задолго до срока
Я тягу дал на наш передний край.
Подумать только — рай,
а не лежалось!
Но смысл побега был довольно
прост:
Мои друзья,
Кляня взахлеб усталость,
Месили грязь уже за сотню верст.
Я ей сказал:
— Бегу туда, Татьяна...
Потом вздохнул и,
пересилив грусть,
Пролепетал,
Что поздно или рано
Я к ней, любимой, все-таки вернусь.

Не знаю сам,
Душевно или сухо
Скупую фразу выдавил едва.

Гудел сосняк размеренно и глухо,
Он перекрыл ответные слова.

Вот, кажется, и все,
что с нами было
В огне войны, в тисках ее страды.
Она не раз мне крылышки рубила,
Не раз в запале жгла мои следы.

Другая часть.
Другой участок фронта.
Другой виток
дорожки фронтовой.
И до Татьяны, как до горизонта,
Не дотянуться трепетной рукой...
А тут еще
Бездумной смерти сила,
Затмив разрывом
низкий небосвод,
Меня в боях за Кюстрин
Подкосила
На год,
На два
И вновь на целый год.
Почти пять лет вдыхал я
хмель эфира,
Почти пять лет я словно шел
ко дну
Под крик души,

Что все несчастья мира
Слились в беду.
В мою слились.
В одну!

Глава третья

I

И жил, и не́ жил я как будто,
Пять лет приписанный к войне.

Была недоброю побудка,
А явь — недоброю вдвойне.
Она взрывной своей волною
Опять колышет шар земной,
Опять огонь передо мною
Встает, как некогда, стеной.
Как там,
У старого омета,
Корежит он средь бела дня
Не пластуна уже,
А — то-то! —
Беспулеметного меня.
Кружит отсюда и досюда
Зеленой заметью тоска.
И не поверить снова в чудо,
И не подняться для броска!

Пожалуй, стоп.
Глуши конфорку.
В тупик уперлась колея.
Теперь стремительно под горку
Сбегает тропочка моя.
И вроде сделано немало,
Вглядись —
И ты увидишь вдруг,

Как из убойного металла
Страна кует державный плуг,
Как в это время заревое
По грудь в сиреневом цвету
Рвет притяжение земное
И набирает высоту...

Она — страна.
А для меня-то
Рывки такие не резон —
Кружит зеленая расплата,
Пять лет кружит бредовый сон!
Вороний грай,
Тревожа рану,
Вовсю пророчит за окном,
Что я теперь свою Татьяну
Не разыщу и днем с огнем.
. . . .

II

Светла безоблачная даль,
Безбрежен окоем.
Горит, как солнышко, медаль
На кителе моем.
Такая, в общем, благодать,
Такая цветь кругом,
Что я решил:
Ни дать ни взять —
Встречает отчий дом.
Налево — степь,
Направо — бор,
За ним маячит Обь.
Но вдруг...
То дятел вдруг в упор
Врубил под сердце дробь.
И вот поправка внесена —
И здесь, и тут, и там
Моя цветная тишина
Летит ко всем чертям.
Не бор,
А вражеский десант —
Привстал за взводом взвод,
И белым облачком бризант
Рванул небесный свод,
И, как ни странно,
Шар земной
Меня подсек толчком,
И я,
Как раньше, сам не свой,
Пал на него ничком.
Умеет бить литой свинец
Убойно, наповал...
Я лишь подумал:
«Все.
Конец.
Последний мой привал».
Я лишь подумал:
«Все.
Конец.
Прощай, мой край родной...»
Ах, дятел, дятел,
Что, шельмец,
Ты сотворил со мной?

●

...Далекий бой
и до сегодня, знать,
Умеет воскресать
Жестокой явью.
И вот уже в горячке я опять,
Не радуюсь степному разнотравью,
И, задохнувшись в сотый раз
во сне,
Кричу,
Мечусь,
Тону в поту холодном,
И прошлое налетом минометным
Бьет по любви,
По дружбе,
По весне.
И я взываю к памяти тогда:
— Яви одну-единственную
милость
И сделай так,
Чтоб мне война не снилась
Отныне и вовеки.
Никогда!

Глава четвертая

Казалось, гром грохочет близкий...
А это праздновал свой ввод
Тот самый Западно-Сибирский
Металлургический завод.
Еще в округе всей горели
Костры строителей,
А там
Курились коксобатареи,
Тянулись домны к облакам,
И, от заката до заката
Гоняя непрерывно стан,
Огромный цех листопроката
Зубастой пастью скрежетал.

Бурлит Запсиб — земное чудо,
Животворящая строка...

Кто знал, что именно оттуда
Ко мне протянется рука!

Ребята в ватниках солдатских,
Однополчане
И друзья
Пришли,
Когда в мученьях адских
Я жил без собственного «я».
С порога кинув:
— Мать честная,—
Петров поморщился чуть-чуть,—
Везде весна и буйство мая,
А у тебя не продохнуть.
Взгляни, старик,—
И Анатолий
Рывком окошко распахнул,—
Какое там всему раздолье...

Но мне был слышен только гул.

Под этот гул за сквером справа,
Край неба высветив до дня,
В зенит взметнула переправа
Свои огни...
Через меня.
Опять зашлась и заходила
Земля в округе ходуном,
Хоть вечер был таким,
Что сила
Благая чувствовалась в нем.
— Поверь,—
Вмешался Женя Славин,—
С твоим настроем
Жизнь не в жизнь.
Тебя в беде мы не оставим,
Но ты давай и сам держись!
— Да как?
— Как там, во чистом поле.
— ?!
— Настрой себя на нужный лад.
Ты и теперь не обездолен,
Ты и теперь еще Сол-дат!
Один поэт сказал когда-то
Про упоение в бою.
Об этом, паря, помнить надо
У жизни даже на краю.
Мы и поставили однажды
Такую цель перед собой,
И с той минуты
День наш каждый
Похожим стал, скорей, на бой.
Случится — скажем даже слово
Точней, весомее иных.
Рабочий класс, мой друг,— основа
Для дел не только заводских...

Не раз мы после толковали
О том, как мочь,
Как быть в строю,
И, вроде бы на перевале,
Я четко видел жизнь свою.
Стоял,
Хмелел от буйства мая,
Пытался в завтра заглянуть,
Еще не очень понимая,
Куда ведет мой новый путь.
А сам уже
Рассудка прежде
Глотал всей грудью наяву,
Как дань воспрянувшей надежде,
Ночного неба синеву.

Глава пятая

I

За сутками сутки в рабочем накале
Гремит, не смолкая, завод.
Гремит
О своем,
О сибирском металле.
И... плавка за плавкой идет.
Встают по ночам
Огневые фурмы —
Светящийся, сказочный мост.
За ними
Вполнеба
Подъемные краны
Во весь поднимаются рост.
Я их принимаю спокойно и просто,
Как воду,
Как хлеб и жилье,
Как этот, с утра опьяняющий,
воздух,
Как главное дело свое...

Все было.
И снова по-всякому было!
И только поэтому, знать,
Окрепла во мне подзабытая сила,
Заставила на ноги встать.

Была черновой поначалу работа,
Работа взажим и врастяг —
Порой до седьмого, как водится,
пота,
Порой до ломоты в костях.
Об этом,
О центнере съеденной соли,
В бригаде из бывших солдат
Мои трудовые,
Как клепка,
Мозоли
Вернее всего говорят.
И пусть не добился того я успеха,
Который обычно в чести,
Уже по привычке рассветное эхо
Меня поднимает к шести...

II

Людские судьбы
так на дни похожи:
То все в цвету,
А то грозы темней.
Моя всегда казалась много строже,
Прямолинейней в сущности своей.

Моя судьба!
Хотя и не ликую
И от пьянящих зорь живу́ вдали,
Но дал бы сам
И правнукам такую,
Чтоб все на свете выдержать
смогли.

И нынче тут,
Уже в степи раздольной,
За каждый час,
За каждую зарю,
За каждый всплеск
Березы белоствольной
Судьбу я и друзей благодарю.

Глава шестая

I

Все так.
Только лучшая песня не спета.
Изменчив пока небосвод:
Не «мессер» —
Ракета
На краешке света
Знакомую ноту ведет.
Твержу,
Что работа — великая милость,
Весенняя брага в крови,
И если любовь
Та, моя, не сложилась,
Другой мне не надо любви.
Не надо?
Не надо.
Не на-до?
Не на-до!
Но вижу и чувствую вновь,
Что это война,
Как глухая преграда,
Мою перекрыла любовь.
Не мне,
А другим начинать все сначала.
И все же я против, ей-ей,
Чтоб завтра
Кого-то еще развенчала
В слепой она злобе своей.
А может взойти ведь
Разверсто
И круто
И хлестко ударить свинцом,
И с нею, треклятой,
Придется кому-то
К лицу повстречаться лицом.

II

Шинельная юность.
Рабочая зрелость.
Бессонная доля моя!..
На вещем огне воедино скипелось
Все это, как думаю я.
И даже представить уже
не под силу
Себя в ипостаси иной —
Без твердой надежды,
Без веры в Россию
И без благодати земной.

Летят мои годы, свистят,
словно пули,
В работе, в метаньях ночных.
И все же в каком-нибудь зябком
июле
Нет-нет да ударит под дых.
Редеют собратьев моих батальоны
Но душу не тешьте, враги,
Придется —
И встанем
В сплошные заслоны
Преградой для грозной пурги!

Судьба на излом испытала,
как надо,
И если я выдержал бой,
То лишь потому,
Что нередко ребята
Меня заслоняли собой.
Навек я запомнил
их славные лица,
Они, побратимы вдвойне,
Мне дали возможность
Насквозь прокалиться
На стойком рабочем огне.
В ночи наплывают
громады Запсиба —
Моя в них пульсирует кровь...
Спасибо за дружбу,
За верность спасибо,
Спасибо, друзья, за любовь!

МОИ ФУТБОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Николай СТАРОСТИН,
заслуженный мастер спорта

III. НАШЕ ЧИСЛО ОДИННАДЦАТЬ

Вступаю на следующее «минное поле». Отдаю себе полный отчет в том, что окажусь уязвимым. Но обойти эту тему в серьезном разговоре о футболе — значит ничего не сказать. Тема эта — комплектование команд. Вопрос вопросов. Уязвимым я себя чувствую с двух сторон. Тема сама по себе спорная, копий вокруг нее сломаны горы, в истории футбола накопилась уйма случаев и примеров, которыми можно оперировать в доказательство любой точки зрения. И кроме того, бывало, я сам поступал вразрез с тем убеждением, к которому с годами пришел и которое намерен здесь высказать. Если кто-то попрекнет меня: «А вот вы сами тогда-то!» — и обвинит в непоследовательности или, того чище, в неискренности, в ответ я готов поднять обе руки и сказать: «Да, грехи числятся и за «Спартаком». (Я уже предупреждал в самом начале, что не намерен поучать, а хочу вынести на общий суд то, что наболело.) Вообще же, думаю, не сыскать в нашей среде безупречных людей из тех, кто прикладывал руку к комплектованию команд. Но взаимными попреками мы можем еще больше замутить воду.

Тренеры частенько любят сетовать на «короткую скамейку», на то, что игроков не хватает. Если игроки собраны как попало, то можно набить ими троллейбус, и все равно далеко не уедешь, все равно «скамейка» окажется короткой. Я вспоминаю «Спартак» в годы его наивысших успехов (1938—1939, 1956—1958, 1962—1963, 1969—1970, 1979) и вижу прежде всего одиннадцать полноценных мастеров, основной состав. Вместе с ними находилось еще по три-четыре игрока, приходивших, когда было нужно, на помощь команде. Точно так же обстояло дело в динамовских командах Москвы, Киева, Минска, Тбилиси, ЦДКА. В футбольном мастерстве количество в качество не переходит, наше число — одиннадцать, его мы и должны искать постоянно. Но так искать, чтобы уж ни убавить, ни прибавить.

Если же в команде соберется, скажем, игроков 18—20, равных по классу, тогда, чтобы сохранить добрые, рабочие отношения, надо вводить «скользящий график» их выступлений. Но тренеры, как правило, верят в основной состав, особенно когда игра получается. Вот и разберись, что лучше?!

Комплектование команды — искусство. Иногда его выдают за счастливое совпадение, за выигрыш в лотерее. Но так кажется тем, кто наблюдает со стороны и судит о готовом. Фактически же мы, работающие с командами, непрерывно занимаемся комплектованием. Или доукомплектованием. А есть еще и всем известная «смена поколений». Так что я не помню дня, когда бы на его повестке не стояло вопроса о той или иной кандидатуре, о том, что пора кому-то готовить замену или подыскать на то или иное место игрока получше.

Многое сделано для того, чтобы каждая команда мастеров имела возможность искать, учить и готовить смену, не выходя за пределы своих владений. Есть и у нас своя, спартаковская школа, рассчитанная на 420 ребят, с директором, завучем, 13 тренерами, администратором. Сказать, что она работает впустую, нет оснований. Геннадий Морозов, Евгений Сидоров, Сергей Родионов, Федор Черенков, Сергей Новиков, Михаил Русяев—воспитанники «Спартака». Прибавьте к ним нынешних московских динамовцев Алексея Прудникова, Сергея Аргудяева, Бориса Позднякова, армейцев Виктора Самохина и Дмитрия Галямина, Вячеслава Мурашкинцева из «Факела», прибавьте бывших спартаковцев, находящихся в командах первой и второй лиги, и получится, что эффективность деятельности клуба не такая уж низкая.

В начале прошлого года мы приняли в дублирующий состав сразу восемь выпускников своей школы, с которыми занимался тренер Виктор Зернов. С интересом следим за группой шестнадцатилетних, которую ведет Игорь Нетто. У него собственная методика, Игорь Александрович воспитывает игроков в своем вкусе, хочет передать им свое техническое умение и клубный патриотизм.

Однако не могу похвалиться (а как бы хотелось!) тем, что школа постоянно у меня в поле зрения. Из газет я узнал, что в сборную страны взят 17-летний спартаковец Шалимов. Ни Бесков, ни я, к великому своему стыду, с этим юношей не были знакомы. Можно бы сослаться на занятость, нехватку времени, разъезды, как это обычно делают руководители команд, едва речь заходит о школах. Но истинное несчастье в том, что по большей части все мы сориентированы на поиски игроков не в своих, а в чужих владениях.

Готов пойти, что называется, на «вы». Вообразим, что открылась возможность завтра перевести в «Спартак» Протасова, Литовченко и Кузнецова из «Днепра», Алейникова, Гоцманова, Кондратьева из минского «Динамо», Демьяненко, Бессонова, Раца, Заварова из киевского «Динамо». (Иногда полезно какое-либо предположение довести до абсурда, тогда виднее его беспочвенность). В моей фантазии прежде всего бросается в глаза то, что, обогатив «Спартак», мы погубим на корню сразу три сильные команды. Создаем сезона на два, на три команду привилегированную, которая одна будет верховодить, вызывая к себе недоброе, завистливое отношение наподобие ЦСКА в хоккее. Упраздним в чемпионате дух острого соперничества, без которого немыслима спортивная жизнь. Воцарится вакуум, застой, и публика потеряет интерес к футболу.

Кто выиграет? Сборная? Сомневаюсь. Обстановка заведомого преимущества расслабляет игроков, если не физически, то морально. Спартаковские руководители, может быть, какое-то время и будут ходить с выпяченной грудью; но кто их примет всерьез, если известно происхождение их успехов? В конце концов, как и в любом другом роде деятельности, удовлетворение в футболе приносит сознание, что ты поработал на совесть.

Выцарапать, нахапать готовеньких игроков — удел и утешение посредственностей, а воспитать, выдвинуть, предъявить миру никому не известных — знак талантливости тренера и тех, кто его поддерживает, знак настоящей работы.

«Спартаку» есть кем гордиться. Я мог бы назвать фамилии многих заслуженных мастеров спорта, восьмерых обладателей золотых олимпийских медалей, трех чемпионов Европы. По представительству в первой сборной начиная с 1952 года наш клуб идет вслед за киевским «Динамо». И самое приятное для меня, что большинство знатных людей «Спартак» либо вырастил с малолетства, либо открыл и помог им стать мастерами.

Знаменитый олимпийский состав 1956 года: Николай Тищенко, Михаил Огоньков, Анатолий Масленкин, Алексей Парамонов, Игорь Нетто, Борис Татушин, Анатолий Исаев, Никита Симонян, Сергей Сальников, Анатолий Ильин — все они обязаны «Спартаку» не в меньшей степени, чем он им. И они это знали и знают, оставаясь преданными своему спортивному обществу.

И сегодня я испытываю удовольствие, видя в форме сборной СССР Федора Черенкова, Геннадия Морозова, Сергея Родионова, которых помню мальчишками в спартаковской форме. Радуюсь за Рината Дасаева, Владимира Сочнова, Евгения Кузнецова, Сергея Новикова, Сергея Шавло, Георгия Ярцева, Вагиза Хидиятуллина, Олега Романцева в «Спартаке», вышедших в люди из футбольной безвестности.

В этом месте, пожалуй, уместно будет обратиться к истории о том, как «Спартак» в 1976 году потерял место в высшей лиге и как в нее вернулся год спустя. Историю эту не обойдешь молчанием, она навсегда вошла в спартаковскую биографию. Но более важно то, что в ней заключен немалый смысл, который нелишне намотать на ус всем причастным к футбольной практике.

В 1975 году, как все, должно быть, помнят, общее внимание было привлечено к киевскому «Динамо», игравшему с громким успехом, награжденному европейским Кубком кубков, Суперкубком и званием чемпиона страны. Наш «Спартак» оказался в тени, он занял всего-навсего 10-е место, для него непривычное. Но если взгляды общественности, болельщиков были обращены к киевскому «Динамо», где, кстати говоря, тогда почти в полном составе формировалась сборная страны, выступившая тоже успешно, то руководители общества «Спартак» и профсоюзные организации не прошли мимо нашей неудачи.

Удивлять это не должно. Я хорошо помнил, не забываю и до сих пор, как в 1963 году мне, начальнику команды, и старшему тренеру Николаю Гуляеву были объявлены выговоры за то, что «Спартак» оказался вторым призером, а не чемпионом, как за год до этого. А надо заметить, что в том 1963 году «Спартак» взял еще и Кубок СССР. Тем не менее итоги сезона были расценены чуть ли не как провал. Что и говорить, читать приказ со взысканием было малоприятно (я его храню в своем архиве). Но по крайней мере мы сознавали, как высоко котируется наша команда. А тут — 10-е место, да еще после того, как в предыдущем чемпионате «Спартак» был вторым призером.

И осенью 1975 года было решено «омолодить руководство команды». Нам с Н. Гуляевым намекнули, что «пора отдохнуть». Мы, разумеется, тут же подали заявления с просьбой освободить от должности.

Руководство омолодили. Начальником команды был назначен Иван Варламов, старшим тренером — Анатолий Крутиков, тренером — Галимзян Хусаинов. Все спартаковцы, в прошлом хорошие футболисты. Этими соображениями и

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14—15.

руководствовались при назначении. Не было только принято во внимание, что авторитет игрока не равен тренерскому авторитету. Случай характерный, даже заурядный, не раз бывало и в других командах, когда хорошего игрока, человека «своего» считали по одному этому признаку способным стать у штурвала. В основе таких скороспелых назначений, как мне представляется, лежит не слишком большое уважение (не в открытую, а втайне) к тренерской профессии. Почему-то считается, что умения играть для тренера достаточно, а остальное — набежит, приложится.

Мне отвели должность заведующего отделом футбола в городском совете «Спартака», я ведал командами, выступающими в чемпионате Москвы, работой детско-юношеских школ. Мастера в мой круг обязанностей не входили. Да и было известно, что А. Крутиков против моего участия в делах команды.

Не заладилось у «Спартака» и в сезоне 1976 года. Тогда разыграли два чемпионата — весенний и осенний. В весеннем «Спартак» остался на 14-м месте (при 16 участниках). Сигнал был крайне тревожный, но его пропустили мимо ушей.

Хотя дитя и криво, но матери и отцу мило. Каюсь, отвернуться от команды я был не в силах, душа болела. Мог я только исподволь стараться повлиять на игроков, побуждая их помнить о чести «Спартака». Не до обиды: исправно посещал все матчи, наблюдал издали за тренировками.

Я не намерен ворошить старое, обвинять молодых руководителей, неожиданно для них самих оказавшихся во главе именитой команды, да еще в трудный момент. Но разобраться в причинах их неудачи считаю полезным.

Более всего подводила А. Крутикова чрезмерная самоуверенность. Создавалось впечатление, что он решительно настроен произвести реорганизацию с помощью одного только топора. И началась, как обычно в таких случаях, чехарда с составом, что дается легче всего, пошли рискованные замены и перестановки без необходимых в такой ситуации осторожности и такта. Казалось, что старший тренер, не желая никого слушать (вот он, диктат!), вознамерился одним махом преобразить, поднять «Спартак», сотворить что-то вроде чуда, благодаря чему сразу показать себя сильной личностью, утвердиться в числе лучших тренеров страны, что ему до этого не удавалось. Во всем был привкус «культа», «Спартак» сделался как бы ставкой азартного, слепо верящего в удачу человека. И ставка эта была бита.

Под конец осеннего чемпионата только и было разговоров: уцелеет ли «Спартак» в высшей лиге или вылетит? Да и как не поговорить, случай-то небывалый. Это потом гораздо спокойнее отнеслись к путешествию в первую лигу другого именитого клуба — ЦСКА, можно сказать, по проторенной дорожке, после нас. А тогда многими это воспринималось как потрясение основ. В последних турах, как в шахматной партии, «комментаторы» обнаружили 14 (!) вариантов спасения. Принимались в расчет результаты не одного «Спартака», а и ряда матчей других команд. Напомню, что «Спартак» в итоге набрал 13 очков и остался предпоследним, тогда как у пяти команд было по 14 очков. Немудрено, что все висело на волоске. Но «сыгран» был 15-й вариант, при котором все наши туманные шансы испарились. Как нарочно! Не имею права утверждать, но исход нескольких матчей казался мне тогда нарочитым, словно кому-то из озорства хотелось узнать, а что будет, если «Спартак» — сам «Спартак»! — потеряет место в высшей лиге.

Не скрою, тут же нашлись болельщики, которые пытались ходатайствовать, чтобы «Спартак» сохранил место в высшей лиге с помощью реконструкции чемпионата, благо аналогичные ситуации в прошлом возникали. Например, в 1967 году последним остался «Зенит», но был оставлен, и ради этого высшую лигу расширили с 19 до 20 команд. Я был среди тех, кто эти попытки не поощрял: доброе имя послаблениями и милостями не поддержишь, ронять достоинство не хотелось. Мы хоть и не знали тогда толком, что собой представляет первая лига, но решили, что предназначенный путь полагается пройти.

Страсти страстями, а работа работой. Кому быть тренером? Есть хирурги, которые берутся за операцию, от которой отказались другие. «Спартаку» в тот момент нужен был именно такой человек. Не скажу, чтобы команда была погорелым местом, но капитальная перестройка была совершенно необходима.

Мой брат, Андрей Петрович, назвал Константина Ивановича Бескова. А Бесков как раз находился не у дел, в опале, как и я, сидел в служебном кабинете за письменным столом и ведал футболом в обществе «Динамо». Он согласился. И попросил, чтобы на должность начальника команды вернули меня. Ну а мне во всем, что касается интересов «Спартака», раздумывать и выбирать не приходится.

О нас говорили: «Два медведя в одной берлоге», — предрекая несовместимость. Верно, поначалу мы поглядывали друг на друга выжидательно. А надо учесть, что незадолго до этого, когда мы с Бесковым работали в олимпийской сборной, в наших отношениях было не все ладно.

Кое у кого размолвки в памяти сидят как занозы, но Бесков, придя в «Спартак», на прежнем поставил крест, и я в этом увидел его тренерский профессионализм: работа, которая нам предстояла, требовала полного единодушия.

Мне приходилось работать рука об руку со многими тренерами, я имею возможность сравнивать, выделять достоинства. Очень скоро стало ясно, что Бесков необычайно точно соответствует той роли, которую ему предстояло сыграть в полуразрушенном «Спартаке».

Он из тех тренеров, которые знают, чего хотят, и неуклонно упорно идут к намеченному. Цель — вернуть «Спартак» в высшую лигу — для него была проходной, попутной, само собой разумеющейся. На его месте другой тренер, весьма вероятно, планировал бы только возвращение и неизвестно, решил ли бы эту ограниченную задачу. Бесков с самого начала задумал создать команду, которая смогла бы выйти на первые роли. Кроме того, у него есть своя шкала требований к игроку, я бы сказал, к «Игроку ее мечты». И к командной игре тоже. Его любимое выражение: «Этого требует футбол завтрашнего дня». Иными словами, он работает с перспективой. И, наконец, Бесков, в свое время плодотворно потрудившийся в московской футбольной школе мастерства, имеет вкус к занятиям с молодыми, веру в них.

К. Бесков и Г. Федотов сыграли вместе в команде ветеранов Москвы.

«Спартаку», естественно, требовались новые игроки. Где их взять? «Перехватить» кое-кого из известных? Это был принципиально важный для нас вопрос. Думаю, если бы мы смалодушничали и принялись гоняться за именами, того «Спартака», каким он стал года два спустя, нам бы не создать.

Георгия Ярцева, форварда, быстрого и поворотливого, Бесков приметил в команде города Костромы во время январского турнира в нашем манеже. Было ему 29 лет, но нас это не смутило, бомбардир был необходим.

Вратаря Рината Дасаева из спартаковской команды второй лиги из города Астрахани нам рекомендовал тренер Федор Новиков, помощник Бескова.

Полузащитника Сергея Шавло Бесков приглядел весной в Сочи в «Даугаве». Оказалось, что им там не очень довольны, определили центрфорвардом, а он забивал не часто. Тренеры «Даугавы» любезно разрешили мне переговорить с Шавло и дали согласие на его уход.

Юрия Гаврилова Бесков знал как динамовец динамовца. Места этому прирожденному диспетчеру в основном составе не находилось, и руководители «Динамо» по нашему ходатайству разрешили Гаврилову переход к нам.

Были у нас в «дубле» восемнадцатилетние Вагиз Хидиятуллин и Валерий Глушаков. Вернули уехавшего было обратно в Красноярск защитника Олега Романцева. Это сегодня их фамилии, что называется, звучат. А тогда я слышал со всех сторон: «Неужели вы надеетесь с «этими» вернуться?!»

Мне особенно хотелось бы подчеркнуть, что в возвращении уже в 1978 году «Спартака» в высшую лигу и в том, что в 1979 году он стал чемпионом страны, нет и намека на необычайное везение. Кудесниками мы не были, добросовестно и напряженно трудились в меру своих знаний и умения. «Спартак», бывало, поколачивали и в первой лиге, а в год возвращения в высшую весь первый круг он тащился еле-еле, среди замыкающих, и только во втором круге разыгрался, привлек сердца аудитории и занял неплохое место — пятое.

Год в первой лиге я вспоминаю с удовольствием. Наша команда росла и мужала в обстановке интереснейшей турнирной борьбы. Занять первое место нам помогло, я думаю, наше преимущество в тренерском опыте. Кроме того, сказывалось то, что в составе команды наряду с новичками находились игроки, прошедшие школу высшей лиги, — Евгений Ловчев, Александр Прохоров, Валерий Гладилин, Владимир Букиевский, Виктор Самохин, Евгений Сидоров, Михаил Булгаков, Александр Кокорев. Мы не выглядели на голову выше остальных команд лиги, но это было даже к лучшему — постепенности в накоплении игрового класса я больше доверяю, чем внезапному взлету.

С тех пор к первой лиге я отношусь с полным уважением. Быть может, очутиться в ней такому клубу, как наш, и несчастье, но ни в коем случае не позор. По организации турнир не уступает турнирам высшей лиги, превосходя ее в неизменности расписания. В ней меньше ажиотажа, склок, я бы выразился так: ее футбольный воздух чище. Тому сезону я обязан тем, что смог познакомиться с футболом в местах, мне прежде неизвестных, и знакомство по большей части радовало. И к «Спартаку» повсюду проявляли интерес не меньший, чем в высшей лиге, что, конечно, нас ко многому обязывало.

Знаю, попадаются «знатоки», которые с таинственным видом уверяют: «Спартак» в высшую лигу тащили за уши! Мне всегда хочется спросить: кто тащил? Впрочем, я знаю, что ответа не получу,

поскольку его не существует. Некому нас было тащить, некому было за нас забивать голы. А мы их забили немало. Единственно, о чем мы просили судейскую коллегию,— это назначать на матчи «Спартака» на выезде наиболее квалифицированных арбитров: не хотелось ставить сложную работу, которую мы вели с молодой командой, в зависимость от судейских ошибок. Да и кто на нашем месте так не поступил бы?! Главное же возражение «знатокам» привела сама команда, занявшая в высшей лиге вскоре после возвращения одно из ведущих мест. И надолго. С теми, кого «тащат», такое не получается.

Многие авторы, и специалисты и журналисты, писали, что «Спартак» вернулся из первой лиги в высшую не просто окрепшим и омоложенным, но и с новыми тактическими идеями, свежо прозвучавшими в тот момент, когда в нашем футболе образовался застой. Я уже предупреждал, что в проблемах такого рода к тонким экспертам себя не причисляю. Но обязан засвидетельствовать, что комплектование команды было проведено в основном верно. Молодые, безвестные игроки рвались себя зарекомендовать, раскрыть свои способности, приглашенных «звезд» и сопутствующих им душевных недугов у нас не было. Вскоре на той же закваске подросли и влились в команду Родионов, Черенков, Морозов, Поздняков, Сочнов, Новиков, Е. Кузнецов.

Совершали мы и ошибки, приглашали некоторых без должной проверки, а потом наступала разлука без печали. Ошибок такого сорта, конечно, должно быть поменьше, хотя свести их к нулю вряд ли возможно в команде мастеров, да еще желающей состоять в лидерах.

Были ли обижены нами команды высшей лиги? За девять сезонов два перехода, имевшие резонанс,— С. Швецова из «Зенита» и затем А. Бубнова из московского «Динамо». О Бубнове скажу, что он в лучшем смысле слова фанатик футбола, будь таких побольше, мы продвинулись бы далеко вперед. К примеру, он частенько остается на базе в Тарасовке и не едет домой ради того, чтобы потренироваться вместе с группой молодых, проживающих там в общежитии. У него всегда и во всем на первом плане ответственное служение футболу и интересам команды.

И вот у такого целеустремленного, необычайно стойкого, упорного человека накопились размолвки в отношениях с отдельными руководителями команды московского «Динамо» да вдобавок еще и с рядом игроков. И он решил уйти. Решил настолько твердо, что не поддавался никаким уговорам. Он хотел играть в обстановке, где бы ему ничто не мешало. И подал заявление о переходе в «Спартак», как я понимаю, единственно по той причине, что верил в К. Бескова как в тренера. Бубнов пропустил два сезона, пошел на немалые жертвы, лишь бы настоять на своем. В конце концов после многократных разбирательств разрешение на переход Бубнову было дано.

Спору нет, «Спартак» получил полезного игрока, да и самому Бубнову переход пошел на пользу, его после долгого перерыва по праву вернули в сборную страны.

В этом случае я не усматриваю какой-либо вины со стороны «Спартака». Решающее значение имела воля игрока, он с таким же успехом мог пойти в «Торпедо» или ЦСКА, но сам выбрал «Спартак». Мы его не «сманивали», да и не такой он человек, чтобы жить чужим умом.

Думаю, что этот переход и по-человечески, и по-спортивному был достаточно мотивированным, и жаль, что он чересчур затянулся, перерос в столкновение амбиций. Уверен, если бы кто-то из спартаковцев проявил такое же нежелание оставаться, мы бы не мешали ему. Готов подтвердить это примером. Наш воспитанник, хороший защитник Борис Поздняков, уже привлекавшийся в сборную, решил уйти из «Спартака». Делать нечего, пришлось согласиться, и он без малейших осложнений получил право на переход в московское «Динамо».

Случай со Швецовым едва ли я смогу объяснить удовлетворительно. Но я предупреждал, что практика переходов настолько несовершенна, что иной раз разрешает или вынуждает отклоняться от принципов ради спортивных выгод. Прятать голову под крыло подобно страусу я не намерен, расскажу все как было, тем более что у этого случая есть назидательный смысл. Итак, тренеру К. Бескову юный форвард Швецов приглянулся, когда тот играл в дублирующем составе кутаисского «Торпедо»,— высокий, стройный, с мягкой техникой. Но Швецов неожиданно перешел в «Зенит». Однако Бесков по-прежнему мечтал видеть его центрфорвардом «Спартака», считая, что он сумеет придать нашим атакам результативность.

Мне приходилось работать с тренерами Н. Гуляевым и Н. Симоняном, они оба ограничивались тем, что просматривали игроков, приезжавших с предложением своих услуг. К. Бесков в этом отношении тренер другого рода, он внимательно следит за многими игроками и как бы примеряет, кто из них особенно подойдет к его команде.

Короче говоря, были предприняты усилия добиться согласия Швецова. Парень внял уговорам и переехал в Москву. «Зенит» тогда еще не взял чемпионского курса, а перспектива играть в «Спартаке» для молодого форварда была заманчивой. Создался конфликт, в ленинградских газетах появились фельетоны. Определенные основания для них существовали, далеко не все требования инструкции о переходах были соблюдены. Как бы то ни было, Швецов остался в «Спартаке».

В чем же назидательный смысл? Прежде всего в том, что мы поступили согласно расхожему выражению: «Сначала возьмем, а там разберемся». В этот, с позволения сказать, афоризм я не верю, всегда считал, что надо семь раз отмерить, прежде чем отрезать. Но меня убеждали, что так поступают все, говорили даже, что «с волками жить — по-волчьи выть». Но скоропалительная акция, как вскоре выяснилось, ожидаемого эффекта не дала. Оказалось, что при всех технических достоинствах Швецов не наделен тем характером, который требуется острому форварду. Его даже стали пробовать у нас в роли защитника.

Этот случай еще более укрепил меня в убеждении, что игрока надо привлекать и в соответствии с существующими правилами, и после взыскательного знакомства, а не как кота в мешке. Но для этого должен быть разработан в инструкции о переходах особый пункт о стажерстве, гласящий, что команды, участвующие в розыгрышах европейских кубков, имеют право на дополнительное приглашение игроков с испытательным сроком. Это практически обосновано и позволило бы не допускать ошибок. Игроков, по разным причинам не нашедших себя в новых коллективах, можно было бы возвращать в прежние команды, как это случилось у нас с В. Грачевым из донецкого «Шахтера».

Я не разделяю весьма распространенной точки зрения, что советскому футболу необходимы суперклубы для успешных выступлений в розыгрышах европейских кубков, наделенные огульным правом брать любых игроков даже из команд высшей лиги. Это нанесло бы непоправимый вред тем командам, которые потеряли бы своих лучших, ими воспитанных игроков.

Кроме того, в последние годы мы убедились, что понятие «ведущая команда» перестало быть постоянным. Так было когда-то. В свое время никто и не думал посягать на главенство московского «Динамо», ЦДКА, «Спартака», тбилисского «Динамо». Потом выдвинулись «Торпедо», киевское «Динамо». Стали говорить о «большой шестерке», ее только и признавали. И футболисты в этих командах были самые лучшие.

Но затем годы безвременья пережил «Спартак», на грани между высшей и первой лигами балансируют московское «Динамо» и ЦСКА (кто бы мог предположить такое лет пятнадцать назад!), никак не соберется с силами занять призовое место «Торпедо», в расстройстве тбилисское «Динамо», даже наиболее внушительное и прочное киевское «Динамо» два сезона подряд обреталось в скромной серединке.

Свято место пусто не бывает, выдвинулись, и с достаточными основаниями, минское «Динамо» и «Днепр». Правда, две другие поднявшиеся в 1984 году команды — «Зенит» и «Черноморец» — в следующем году не справились с высотой, хотя в европейских турнирах «Черноморец» показал и игру, и характер.

Думаю, что сегодня это не фантастика, если представить, что вдруг чемпионом станет, скажем, «Жальгирис». Команда из Вильнюса, запасшаяся силами еще в первой лиге, как я считаю, украшает ныне наш чемпионат своей ни на кого непохожестью. Она обладает прямо-таки пугающей соперников невозмутимостью и незаурядным игровым классом. И, заметьте, она поднялась целиком на собственных кадрах, растит и резервы. А какое приятное впечатление своей культурной игрой оставила в прошлом году рижская «Даугава»! Я даже внутренне порадовался, что форвард Милевский, стажировавшийся в «Спартаке», так удачно, свободно играет в родной команде.

Приятно, что ленинградский футбол, к которому я издавна отношусь как к самому близкому, после московского, встал на твердые ноги и выдвигает одного за другим местных способных молодых мастеров.

Продолжение следует.

Микола
ВИНГРАНОВСКИЙ

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

●

Это он и есть. Нашему отцу, как мне кажется, еще нет восьмидесяти. Здоровье у него, слава богу, неплохое: и сварит сам, и постирает, и работу какую возле дома поделает.

Он уже и забыл, когда бывал на этом базаре, но сегодня, как видите, приехал и бродит от машин к возам, от возов к лавке. Наверное, отец выбрался сюда со своим интересом: посмотреть, что люди продают, по какой цене, послушать, о чем говорят, на какие продукты да на одежду спрос, может, и себе что-нибудь купить.

Я вспоминаю, как однажды до войны, еще наша мама была жива, привезли мы с отцом на этот базар шесть мешков огурцов. Простояли с ним чуть не до вечера, потом отец рассердился, сдал огурцы оптом в райпотребсоюз, купил пряников, конфет, полкило тюльки — на все деньги за шесть мешков огурцов...

Возьмет или не возьмет? Посмотрите, как долго он прицениваеется к этим сапогам. Наверно, возьмет, это видно по тому, как пробует ногтем подошву — хорошо ли она выделана, как ощупывает голенища, передки, ранты, залезает рукой вовнутрь — нет ли какого рубчика, или гвоздь не вылез ли из подошвы,— достает деньги. Покупает. Перевязывает веревочкой, перебрасывает через плечо и сейчас пойдет покупать мороженое. Точно: видите, подходит к лотку... Отца нашего хлебом не корми, но дай ему мороженое или тюльку. Он любит мороженое и любит тюльку. Покупает. Он не будет его есть, бродя по базару. Он сейчас станет вот под этим деревом, где поменьше людей, и здесь начнет. Пусть ест на здоровье. Мы подождем, пока он насладится, сомнет оберточку в кулаке, положит в карман, потому что некуда бросить, затем еще раз посмотрит на лоток да и пойдет с сапогами через плечо по базару дальше...

Куры, гуси, утки, подсвинки и поросята, а кабаны какие! Спрашивает, почем... Не купит, а спрашивает. Деньги, правда, у него есть и на кабана, но зачем он ему? Кто будет есть этого кабана? Кувшин, может, и взял бы, но как ты его довезешь по такой дороге?

Не нужно ни кабана, ни кувшина — пойдет себе по базару дальше.

Сапоги. Отец снимает с плеча и снова начинает, как видите, их рассматривать, нюхать, ощупывать и опять нюхать: сапоги хорошие и не очень уж и дорогие. На две зимы хватит. А то и на три.

Может, еще мороженого съесть? Сапоги есть, тюлька — хоть пруд пруди: чего это я ее с утра буду покупать и носить, чтобы текла? Не нужно, успею с козами на торг.

Подождите, отец что-то заметил. Что же это он заметил? Вон, за тем вот возом, идет корова на продажу: что рога, что вымя, а ноги под ней, как под доброй девкой... Посмотрите, как отец украдкой следит за этой коровой!

Наш отец — пастух. Сколько он себя помнит и сколько мы его помним, отец пас скотину. Пасет колхозных коров и коров колхозников, живет в достатке, есть телевизор, есть пасека, сад, колодец выкопал возле дома, чтобы в гору воду не носить. Про нашу хату вам расскажет мой младший брат, потому что мне нашей хаты не видно, потому что этот наш младший брат живет при нашей хате.

Вот так, пока мы говорили о профессии отца да разглядывали базарных коров, наш отец уже ведет симменталку по дороге ходил по ней, по спорышу, в райцентр в школу семь километров в течение десяти лет. Теперь здесь дорога. По этой дороге, как видите, ведет отец корову, а наша хата крайняя в селе. Это она и есть. Фундамент и стены уже старые, потому что хату ставил еще наш дед. Все годы она была под соломой, а недавно, года три тому назад, отец покрыл ее шифером.

Сейчас отец привяжет корову к бересту у боковой стены дома. Потом вытащит из колодца ведро воды, напьется и даст напиться корове. Так и есть: отец привязывает к бересту корову.

Берест — это я, его средний сын. В одном из боев я упал на мину и вырос возле нашей хаты берестом. Отец не знает, что этот берест — я, его средний сын. Мне и самому странно: почему это я вдруг стал берестом, именно берестом, а не другим деревом. Убило меня на Одере, и было бы не так обидно, если бы кто-нибудь видел, как меня убило. Ведь даже отец до сих пор думает, что я живой, что, может, я где-то есть и не хочу признаваться — вот почему мне обидно! Сказать отцу, что я — это я, берест, я уже не могу, потому что мои листья не разговаривают на человеческом языке. С ветром или дождем — другое дело.

Как-то уселись с соседом вот здесь, на подстилке, подо мной. одинокое, весной почки и листья растут, аж гудят, потом я цвету, опадаю, и снова все сначала. Птицы любят меня. Ветки и листья у меня хорошие, и самая лучшая для меня пора, когда на мне в гнезде какая-нибудь птица сидит на яйцах, а потом уже и птенцы начинают щебетать да летать, да мошек добывать и меня, молодого, прославлять.

Скоро взойдет солнце. Отец умылся уже. Доит корову.

А вот он уже и в колхозе. Доярки сливают молоко в бидоны. Отец здоровается, настроение у него отличное — корову, сапоги купил, тюльку девчатам раздает — кто хочет. В кармане отцовского плаща транзистор играет, а когда по селу скотину гнать будет — транзистор заиграет гимн, потом расскажет о том, что творится на свете. Выгонит отец стадо за село—транзистор будет делать физзарядку.

Так оно и есть. Теперь, когда мне уже отца за селом не видно, вам о нем расскажет наш последний, самый младший брат.

Меня нет. Поле, на котором наш отец пасет стадо,— это я и есть. Мой самолет взорвался в воздухе, и я осел на землю уже пеплом, так что ни могилы у меня нет, ничего. Ходят по мне вот сейчас коровки, травку едят, а наш отец садится на камень и начинает завтракать. Завтрак у него как завтрак: тюлька, картошка в мундире, луковица, бутылка воды, заткнутая кочаном, да полбуханки ржаного хлеба. Отец любит ржаной хлеб. Для этого он даже сеет возле дома свою персональную рожь, потому что колхоз рожь не сеет...

Надо мной, как раз над этим оврагом проходит межконтинентальная воздушная трасса. Зимой следа от самолета не видно, а сейчас видно: белым следом своим самолет будто прострачивает небо, делит его на две половины. Вот так под этим переполовиненным небом наш отец пасет свое стадо. Иногда получается, что этот белый след самолета разделит отцовское стадо. Иногда же бывает и так, если смотреть снизу, что этот реактивный след проходит как раз между рогами коровы, будто и корову делит пополам: половина— сюда, половина — туда.

Но я свое уже отлетал, и в этих полях стал пшеницей, гречкой, кукурузой, даже сам уже не знаю чем... Хотя это не совсем верно: в этих полях лежат целые поколения нашего народа, и так мы все родим, и так мы все цветем...

Отец позавтракал, осматривает свое стадо и закуривает. Ну и пусть курит, только бы на здоровье...

Перевел с украинского Николай ШУМАКОВ.

НАШ ОТЕЦ

от райцентра в наше село домой с охапкой сена под рукой. Зачем она ему? Молоко и сметана, масло и творог в погребе годами у него портятся. Но купил. Купил так купил, может, ему будет веселее, потому что как-никак, а скотина в хлеву возле ясель зимой дышит парко, как откроешь двери, так все-таки забота. А забота — дело большое.

А вот видите братскую могилу? Возле этой могилы отец пустит корову попастись, а сам сядет и закурит. Так оно и есть. Корова пасется, наш отец курит, ветер, солнце, а в этой братской могиле лежу я, его старший сын! Я лежу в этой могиле, награжденный посмертно вместе со своими товарищами. Мы бились с врагом, как нам кажется, на совесть; и хоть победили уже мертвыми, так сказать, смертию смерть поправ, но дело сейчас не в этом: солнце, ветер, корова пасется, наш отец курит. Пускай себе курит на здоровье. Когда-то маленьким я любил крошить табачные корешки. Но теперь наш отец табак не сеет, да и меня давно уже нет, а курит он папиросы покупные «Север», Одесской табачной фабрики. Мог бы курить папиросы и подороже, но привычка есть привычка, а он к «Северу» привык.

Теперь, так как отец двинулся с коровой дальше, уже к селу, я передаю слово нашему младшему брату — ведь эту дорогу он знает лучше меня; она, эта дорога, и село, и хата, так сказать, в его владении.

...Эта дорога когда-то была тропинкой. Она была тропинкой, и я О том о сем поговорили, где чьи дети, на шахтах или в городе, а отец возьми да и скажи: нет у меня никого, кроме скотины, вот допасу ее до зимы, спилю этот берест, сделаю себе гроб из него, умру, а дом передам в колхоз. Страшно мне стало от этих отцовских слов: я подумал, как это отец будет во мне лежать, в своем сыне в земле? Хотелось мне в ту ночь усохнуть или исчезнуть куданибудь от дома подальше в степь, но разве исчезнешь?

А сапоги отец купил в самом деле хорошие. Вот заносит их в дом. Открывает сундук, заворачивает сапоги в газеты и кладет до осени. В этом сундуке на дне лежат наши фотографии. Отец не вешает наши фотокарточки на стену, чтобы не выцвели под солнцем да чтобы мухи не засидели их.

Отец выходит из дома, дает и собаке и курам поесть, берет косу, косит траву, подбрасывает на ночь корове. Солнце заходит. Спать отец ложится рано, так как рано нужно вставать. Эта кровать, которую он поставил подо мной и на которой спит,— это еще наша мальчишечья кровать.

Ночь. Отец спит. Лежит и глубоко дышит в прислоненной ко мне кровати.

С того момента, как стал я берестом, я чувствую себя прекрасно. Земля подо мной такая, что корни в ней аж поют — такая эта земля благодатная. Воздух как мед. Единственное, что мешает мне,— это бессонница. С тех пор, как я стал таким, я не могу заснуть. Всегда в моей листве ветер какой-то ночует, зимой — снег или мороз, гнездышко дрожит на мне

Олег ШМЕЛЕВ

ДЕЛО ГЛУШ

Когда Николаю Степановичу Глушкову должны были вручить орден Отечественной войны I степени, он находился под стражей. А начиналось все так...

Александр Васильевич Казаков, мужчина видный, красивый, в расцвете сил, пользовался большим уважением решительно всех сослуживцев, и не только потому, что был начальником. Он никогда никому не показывал своего превосходства, был неизменно приветлив, дверь его кабинета всегда была открыта для любого. Особенно покоряла его манера вести деловые разговоры. Он не навязывал своего мнения даже в тех случаях, когда подчиненный явно ошибался и его следовало наставить на путь. Но обязательно получалось так, что внушаемый подчиненный уходил от Казакова не только не обиженным, но с искренним убеждением, что его обласкали, а мысли, вложенные проницательным начальником, считал родившимися в собственной голове. Все также особенно ценили в начальнике одно качество, редко встречающееся у людей такого ранга. Из обычного трудного положения он не старался раздувать трагедию, как это делают в воспитательных целях иные прямолинейные руководители. Самую пиковую ситуацию он умел преподнести таким образом, что всем она казалась банальнейшей неувязкой и, как таковая, действительно легко преодолевалась. Словом, Александр Васильевич Казаков был не рядовым начальником, и единодушное мнение подчиненных прочило ему скорое продвижение. Областное производственное управление хлебопродуктов представлялось слишком узким полем деятельности для такой крупной личности, как Александр Васильевич. И многим было лестно работать у него под началом.

Может быть, из ближайших помощников Казакова меньше всех поддавался его магическому дару развеивать сомнения Модест Николаевич Орлов. Он занимал пост главного инженера, а следовательно, обязан был все руководящие решения и установки переводить на язык реальных технических возможностей. Он профессионально презирал всякую маниловщину, как инженер он знал, что благие сверхплановые устремления без соответствующей производственной базы бесплодны. Короче говоря, выше головы не прыгнешь. Но даже и он, многоопытный Модест Николаевич, пересидевший не одного управляющего, в последнее время начал изменять своим суровым реалистическим верованиям. Для этого у него имелись веские самооправдания. В длинном списке областных управлений, подведомственных Министерству заготовок РСФСР, их управление всю жизнь и, кажется, навсегда занимало пятнадцатую-шестнадцатую строчку, и вот, поднятое мягкой рукой Казакова, завоевало в четвертом квартале минувшего года первое место и получило переходящее Красное знамя. И, само собой, премию. Не мог Модест Николаевич не дрогнуть.

Однако сейчас он шел по вызову в кабинет Александра Васильевича, испытывая чувство некоей неуютности. Близится конец квартала. Тот оптимистический график, который они сметали в январе вроде бы и не на скорую руку и который должен был снова привести их к первому месту в соревновании и к премии, оказался иллюзорным. Модест Николаевич предвидел, что Казаков все же попытается прыгнуть выше головы, но не представлял себе, как он сумеет это сделать.

Александр Васильевич встретил неожиданным вопросом, мелким для него, так как речь шла о чисто технической частности.

— А что, Модест Николаевич, дробилки часто взрываются? Или в порядке редчайшего исключения?

— Это недопустимо,— скрыв недоумение, ответил Орлов.— Существуют известные меры предосторожности.

— Но вообще-то бывает?

— Теоретически и практически это возможно. Но я лично о таких случаях не слышал.

— А отчего это может случиться?

— Ну как бывало раньше на старых водяных или ветряных мельницах... Нам рассказывали еще в институте. Накапливается внутри мельницы — на столбах, на перекрытиях — мельчайшая мучная пыль... Пудра. Она несет электрический заряд, а при определенных условиях обладает свойствами взрывчатого вещества... Извините, Александр Васильевич, не могу вам квалифицированно объяснить механизм этого явления.

Дробилки — мельницы для измельчения зерна. Ими в городе оснащен только комбинат хлебопродуктов. Значит, Орлову оставалось ждать вопроса о комбинате.

— Вам Глушков рапорт подавал?— спросил Казаков.

Глушков — директор комбината. В папке у Орлова лежал его рапорт о необходимости срочно поставить все наличные дробилки во избежание взрыва на ремонт для зачистки. Об этом рапорте Орлов уже говорил с Казаковым, правда, мимоходом, так как оба сознавали, что ни о какой остановке в ближайшие мартовские дни нечего и думать. Главная продукция комбината — комбикорма, а выполнение плана по комбикормам — главное, более того, обязательное условие при определении победителя, а значит, и при назначении премии.

Орлов вынул из папки исписанный размашистым почерком старомодными фиолетовыми чернилами лист бумаги. Он понимал, почему Глушков не хотел отдавать рапорт на машинку: чтобы через секретаршу не дошла до рабочих его тревога из-за этих самых дробилок.

— Вот, Александр Васильевич, ознакомьтесь.

Казаков взял рапорт, не спеша прочел и сказал:

— Резко пишет.

— Характер такой. Но он всегда без запроса.

— Все это обоснованно?

— Безусловно.

Александр Васильевич посмотрел на календарь, сказал задумчиво:

— Двадцать первое... Ну что ж, ремонт, так ремонт. Не будем рисковать.

Модест Николаевич испытал мгновенную вспышку радости, внезапный приступ восхищения. Казаков вдруг открылся ему совершенно новой стороной своей натуры. Оказывается, начальнику управления ничего не стоит ради высших интересов перешагнуть через свое номенклатурное самолюбие, плюнуть на соображения служебного престижа. И впервые Орлов неожиданно уже для самого себя ощутил острое сочувствие своему начальнику, даже нечто похожее на жалость, хотя это было до крайности нелепо и неуместно. Он представил ясно, каково человеку после достигнутого успеха по своей воле снова спускаться вниз. И из-за чего? Из-за каких-то несчастных дробилок. Как главный инженер Орлов готов был считать себя даже виноватым за те неприятные, горькие минуты, которые, несомненно, пережил Казаков только что, вынося свое трудное решение.

Истина заключалась в том, что и без остановки дробилок план по комбикормам комбинат не может выполнить. Но одно дело — недотянуть каких-нибудь двух процентов, и совсем другое — десять.

— Когда прикажете начать?— спросил Орлов.

— Вы сами и приготовьте приказ,— устало возразил Казаков, еще раз поглядел на календарь и добавил:— Посоветуйтесь с Глушковым, прикиньте, как лучше...

— Хорошо.

Орлов уже направился к двери, но Казаков остановил его.

— Между прочим, Модест Николаевич, что он за человек?

— Николай Степаныч-то? Он, знаете, как-то сам по себе. Не любит чужих кабинетов.

— У него свой холодный больно.— Казаков улыбнулся. Вероятно, вспомнил январский морозный день, когда с Орловым вместе ездил на комбинат, на заседание парткома.— Он, кажется, воевал?

— Да-а, конечно. Танкист. Капитан. Четыре ордена за войну. Берлин брал. И горел в танке, и тонул.

— А за работу ордена есть?

— «Знак Почета». Он ведь уже двадцать первый год директором.

— Мне показалось, дышит тяжело...

— Астма. И осколок у него в груди. Капсула.

— Вы друзья?

— Не то чтобы... Рыбу удим... Я ведь здесь тоже двадцать шестой год.

— В партии он давно?

— С сорок второго.

— О пенсии не думает?

— Пока не заикался.

— Надо будет его на персональную. Республиканскую. Когда надумает, конечно.

— Он достоин, Александр Васильевич. Вполне достоин.

— Ну ладно, Модест Николаевич, давайте поработаем.

...Нет, не мог простить Орлов ни себе, ни дробилкам, что несчастливое стечение обстоятельств доставляет столько неприятностей такому человеку и даже может отразиться на его дальнейшем продвижении.

22 марта утром Орлов приехал на комбинат. В прохладном по причине множества больших окон кабинете Глушкова произошел тягучий разговор.

— Слушай, Коля,— начал издалека Орлов.— Сколько думаешь дать по комбикормам?

Багровое тугое лицо Глушкова было спокойно, лишь густые брови сдвинулись.

— О чем ты говоришь? Ты что, рапорт мой не читал?

— Подожди. Давай просто прикинем, для интереса. Предположим, с дробилками все в порядке. Сколько ты сможешь выжать?

Глушков взял синий карандаш, подвинул к себе раскрытый блокнот.

— Охота тебе в считалки играть.

— Давай-давай, рисуй.

Глушков начал записывать цифры.

— Осталось девять дней. Из них две субботы, два воскресенья... Ну, обе субботы будут «черные»... Значит, минус два воскресенья...

— Обратись к цеху...

— Я и так в три смены кручу. Третья неполноценная, многие по полторы вкалывают... Совесть я должен иметь?

— Понимают же, конец квартала. Премию...

— Какая премия!— хмуро перебил Глушков.— Хоть за оба уха тяни — не натянешь.

— Но ведь всего-то пара процентов...

— Погоди,— уже сердясь, снова перебил Глушков.— Становлюсь я на ремонт или нет?

— Может, подержишься до первого апреля?

— А коль взорвусь? Ты с техникой безопасности потолкуй.

— Можно же на ходу какую-то зачистку делать...

— А! Косметика! Мне нужно полных три дня.

— Первого апреля станешь на ремонт. Хоть на неделю. Александр Васильевич навстречу всегда пойдет.

— Первый апрель — никому не верь.

— Кроме шуток, Коля! Ну потяни... Обидно же, понимаешь...

— Чего обидно?— не сообразил Глушков.

— В прошлом квартале мы знамя имели. Потеряем — значит, была случайность. А два квартала подряд — это уже стабильно.

— Тебя что, Казаков накачал?

— Ты же знаешь, он не такой.

— Значит, по собственной инициативе? — Глушков посмотрел на него с усмешкой.— Не похоже на тебя, Модест. За начальство хлопочешь...

И тут Орлов не удержался, передал весь свой разговор с Казаковым подробно, почти слово в слово. И особо про персональную пенсию, и каким задушевным тоном это произносилось. И про озабоченность по поводу дробилок.

Глушков сдвигал брови, вздыхал, но все же внимал с пониманием и понемногу проникался тем сочувствием к Казакову, какое вынес из кабинета начальника управления Модест, которого он искренно уважал.

— Обидно же, правда?— повторил свое Орлов, закончив рассказ.

— Суета это, Модест,— уже неуверенно возразил Глушков.— Двадцать лет в середняках ходили, зато план — твердо. Ну, там ноль целых три десятых не наскребешь — с кем не бывает?..

Орлов уже видел, что Глушков согласен, и радовался — и за себя, и за него, и, конечно, за Казакова.

— Ты прикинь еще разок, что же у нас получится.

Глушков опять взял синий карандаш.

— Да ничего хорошего. Для плана нужно пять с половиной тысяч тонн. Моя производительность — пятьсот тонн в день. Считай.

— Одиннадцать получается.

— Молодец, Лобачевский. А у нас сколько остается?

— Девять,— не моргнув глазом, ответил Орлов.

Глушков хмыкнул.

— Хочешь уж совсем без роздыху? Чтоб и ночевали здесь, и рожали, и помирали? Но все равно девять, только девять.

Теперь настала очередь вздыхать Орлову.

— Но это все же не так позорно будет,— подытожил он надоевшую обоим беседу.

И странная вещь: ни Глушкову, ни Орлову не пришла тогда в голову простая мысль, что толковали они битых два часа в холодном и неуютном, как сарай, кабинете совершенно впустую. Да, согласился Глушков на все девять дней, уговорил его Модест Николаевич, но, в сущности, уговорив, ушел ни с чем: двух недостающих до плана процентов языком не намелешь, сколько ни беседуй.

Орлов осмыслил это, уже вернувшись в управление, отогревшись и напившись чаю. И тут же пошел к Казакову. Тот был свободен и тоже пил чай. Секретарша принесла стакан и для Орлова, и он, без цели болтая ложечкой, изложил начальнику управления суть беседы своей с директором комбината.

Александр Васильевич поблагодарил, позвал секретаршу и продиктовал распоряжение об остановке цеха комбикормов на пять дней, с 1 по 5 апреля, для производства ремонтных работ.

Подписав отпечатанную бумагу, Александр Васильевич надолго задумался, а затем сказал:

— Были б все, как Глушков,— горы свернуть можно.

Орлов охотно согласился, а Казаков непредвиденно для него продолжил:

— Вы не откажетесь, если приглашу на субботу в гости, а? Только не завтра, а тридцатого... Посидим, отдохнем... Жене с Украины брат поросенка привез, мороженого. А? И Глушкова захватите.

Не принять приглашение было, конечно, невозможно. Но насчет Глушкова Модест Николаевич не был уверен, поэтому ответил не сразу.

— Что вас смущает?— спросил Казаков.

— Я вам говорил: он и кабинеты-то чужих не жалует, а домой... Не знаю... Во всяком случае, попытаюсь...

— Я бы сам его пригласил, но вряд ли это удобно. Мы не так коротко знакомы.

— Да, я понимаю.

— А вы все-таки рыбу удите...

...Глушков, услышав о приглашении, словно поперхнувшись, долго откашливался, сопел, дышал более астматически, чем обычно, потом ворчал и чертыхался, но в конце концов дал себя уговорить.

Тридцатого марта они собрались у Казакова. Глушков приехал один — объяснил, что прямо с комбината, а жена больна. После поросенка мужчины отдыхали в гостиной. Беседа была дружеская, и если кто-то перед кем-то заискивал, то никак не Глушков. Эту беседу ее участники довольно подробно помнили к моменту начала следствия и значительно хуже ко времени судебного разбирательства. Как и в более ранних беседах, здесь передатчиком мысли были не сами слова, а тон, каким они произносились, а главный смысл складывался из тончайших оттенков, недоступных пониманию постороннего. Если брать только слова, то они не несут в себе ничего криминального. Другой вопрос — какие дела последовали за этими словами.

Реконструировать разговор полностью невозможно, но вот его ядро.

— Вы и завтра работаете?— спросил Казаков у Глушкова.

— Я — нет, а цех работает.— Глушков, конечно, знал, что начальника управления интересует именно цех комбикормов.

— Обидно,— вставил слово Орлов совершенно тем же тоном, что и в холодном кабинете у Глушкова.

И так же, как у себя в кабинете, Глушков не сразу сообразил:

— Чего обидно?

Орлов. Двух дней не хватает.

Казаков. Имеете в виду — до плана?

Орлов. Да. Было бы в марте не тридцать один день, а тридцать три...

Казаков. Увы! Календарь на столе перекидной, а не перекинешь.

Орлов. В прошлом году, мне рассказывали, у трикотажников так было. Месяц кончается, до плана недотянули всего ничего, а первое число следующего месяца воскресенье. Ну, посовещались и решили выйти в воскресенье всем добровольно. А выработку записать на тридцать первое.

Казаков. Ну, это не совсем законно.

Глушков. У нас завтра не воскресенье.

Орлов. Но ты же с завтрашнего дня на ремонте. Приказ издан.

Глушков. Ты о чем?

Орлов. Официально цех на ремонте. Все равно что воскресенье.

Глушков. Не пойму тебя, Модест...

Орлов. Где девять дней, там и десять... Ничего особенного.

Казаков. Люди устали.

Орлов. Заработать лишнее никому не вредно.

Глушков. Какой же смысл? Все равно недотянем. Тогда надо еще день.

Казаков. Нет-нет, это уж чересчур.

Орлов. Пусть не два, пусть один день. Но один день — это один процент.

Глушков покидал дом Казакова с таким ощущением, будто его спеленали и везут куда хотят, а поделать ничего не мог. Понравился ему начальник управления. А на Модеста он злился. Первого апреля цех комбикормов работал, как обычно, и выдал свои положенные пятьсот тонн. В середине дня на комбинат приехал Казаков. Ходил по цехам, надолго задержался в комбикормовом, расспрашивал о дробилках и хорошо говорил о назревшей необходимости заменять старое оборудование новым.

Затем директор комбината и начальник управления пошли в холодный кабинет и больше часа разговаривали наедине. О чем — никто не знает.

В отчете комбината, подписанном Глушковым, под 31 марта значились не 500, а 1230 тонн комбикорма.

Этого оказалось достаточно для победы в квартальном соревновании. Премия составила 19 724 рубля.

Глушков, еще не зная результатов, взял отпуск и уехал к замужней дочери, к двум своим внукам, которых он давно не видел.

Вернулся он в День Победы. Орлов позвонил, предлагал встретиться, но Глушков отговорился, не было у него настроения видеть Модеста или Казакова. А 13 мая его вызвали в прокуратуру на первый допрос...

Вот так, почти из воздуха, из эфирных нитей невинных деловых бесед соткалось дело Николая Степановича Глушкова, человека с незапятнанной репутацией и глубоко порядочного во всем своем прошлом, вплоть до первого апреля минувшего года. И неловко было бы задавать ему наивный вопрос: как же это могло случиться? Он бы, наверное, ответил... Да нет, ничего бы он не ответил.

Глушкова судили по статьям 93[1] и 152[1] УК РСФСР и приговорили к лишению свободы сроком на четыре года с конфискацией имущества и с лишением права занимать должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных функций, на три года. Статья 93-прим предусматривает гораздо больший срок, но суд оказал Глушкову снисхождение, приняв во внимание все его безупречное прошлое.

Глушков всю вину взял на себя. Судья старался уличить его во лжи, чтобы как-то облегчить его же участь, доказывал, что одному Глушкову невозможно было скрытно провести операцию с припиской. К тому же он рисковал слишком многим в случае аварии с дробилками. Но Глушков не давал себя сбить с однажды взятой линии. Затягивать Казакова не имело смысла — он бы все равно выскользнул, доказательств против него никаких. Ни о чем не просил, ничего не приказывал, наоборот, других отговаривал. Модест же Николаевич Орлов в деле вообще не фигурировал, даже в качестве свидетеля. Его Глушков отгородил от всего этого с самого начала. У него, как и у самого Глушкова, три души на иждивении. «Да и в чем виноват Модест?— думал Глушков.— Если только в излишнем почтении к начальству. Но разве можно за это судить честных людей?»

Судья, пожилой человек, сам ветеран войны, все видел, все понял, но в отношении Казакова ничего поделать не мог. Не его рукой вписаны в отчет те 500 тонн, что были выработаны 1 апреля, не он приписал к ним и 730 тонн, которые сделали комбинат победителем и обеспечили премию всем, в том числе и областному управлению хлебопродуктов.

Потом дело в кассационном порядке разбиралось судебной коллегией Верховного суда РСФСР. Меру наказания Глушкову оставили прежней, а о Казакове было вынесено частное определение. В нем записано: «Судебная коллегия полагает необходимым, чтобы поведение начальника областного управления хлебопродуктов было обсуждено в Министерстве заготовок РСФСР соответствующим образом и принято решение в части возможного использования его в прежней должности». Мягко, конечно, выражено, но жестче суд в данном случае выражаться, к сожалению, не имеет права.

И что тут скажешь? Жаль Глушкова — и теперешнего, страдающего астмой и носящего в груди осколок снаряда, хотя виновен он безусловно и никуда от этого не денешься. А пуще жаль того Глушкова, давнего, который угадывается в нынешнем лишь при улыбке, того беззаветно смелого и безотказного капитана, командира танкового батальона Николая Глушкова, который в танке и горел, и тонул, да не утонул и не сгорел, который с войны принес четыре ордена, а потом заслужил и пятый, гражданский, мирный. Шестой получить не успел. В июне прошлого года на комбинат позвонили из военкомата, чтобы приехали получить ордена Отечественной войны для вручения фронтовикам. Начальник отдела кадров поехал за орденами, и, когда он увидел по списку, что их бывшему директору предназначен орден Отечественной войны I степени, этот сухой и суровый человек заплакал. Военкоматские, когда он рассказал, в чем дело, тоже пожалели Глушкова, хотя не были с ним знакомы. «Ну что ж,— вздохнул майор.— Подождем, когда выйдет. Орден не отменяется».

«Сюита в белом».

В течение пяти вечеров сцена Московского театра оперетты была предоставлена балетной труппе театра города Нанси, впервые посетившей нашу страну. Артисты из Франции показали три программы одноактных балетов. Создателями большинства спектаклей являются крупнейшие балетмейстеры: Серж Лифарь, Джон Неймейер, Иржи Килиан, Кеннет Макмиллан и другие. Москвичи горячо аплодировали «Вариациям из «Петрушки» на музыку И. Стравинского, «Симфонии ре мажор» [музыка Й. Гайдна], «Дуэту» на музыку Д. Шостаковича, «Сюите в белом» [музыка Э. Лало].

В ярком, экспрессивном балете «Федра» [постановка С. Лифаря, музыка Ж. Орика] заглавную партию исполнила восторженно встреченная зрителями Майя Плисецкая.

С искусством французских артистов познакомились также любители балета Ленинграда и Минска.

Игорь КРАВЧЕНКО
Фото автора

О ЦЕННОСТЯХ МНИМЫХ И ПОДЛИННЫХ

Читая небольшую повесть Анатолия Ткаченко «Дон и Дока», входящую в его новый сборник «В поисках синекуры», невольно задаешься вопросом: не слишком ли жестоко обошелся автор с тремя своими героями, приведя их к гибели?

Нет, не слишком. Воздействуя таким способом на читателя, писатель стремится привлечь самое пристальное его внимание к реально существующему и крайне опасному злу — к подмене подлинных жизненных ценностей мнимыми.

Радиосистема «Грундиг», магнитофон «Сони», «вкусная еда... дискомузыка, комфорт с манговым соком и баром «Король Артур» показались Деме Савушкину основными приметами городской культуры. И хотя испытывал он смутную тоску «по живой траве, парному полю после дождя, запахам двора, огорода», поздно понял свою ошибку, понял, что «тело переместил, устроил, а душа прежней осталась», что молодую, наивную, не окрепшую еще душу толкнул на ложный путь, преследуя корыстные цели, чужой, «много поживший человек».

Чрезвычайно заостренный конфликт, лежащий в основе сюжета этой повести, ее трагический финал заставляют задуматься и еще об одном — об ответственности человека перед людьми, перед самим собой. К этой мысли писатель возвращается неоднократно.

В сущности, из-за безответственности других, а не вследствие обстоятельств или личных своих качеств погибает Корин (повесть «Пожар»). Героический поступок его в конечном счете, к сожалению, бесполезен, однако честность, бескомпромиссность, самоотверженность и мужество этого жестковатого человека навсегда останутся высоким нравственным образцом для всех, кто его знал.

Немалое мужество, немалая честность необходимы подчас и в сугубо личных, семейных отношениях. Ведь только неумением вовремя как следует спросить с себя и друг с друга можно объяснить, почему после тридцатипятилетней совместной жизни супруги десятый год маются в разводе, будучи все же не в силах расстаться окончательно (рассказ «Зачем ему жить без нее?»).

Не хватило им обоим и душевной щедрости. Меж тем «ничтожна душа у того, кто ею ни с кем не делится». Вот как раз поделиться накопленным жизненным опытом, «выразить... удивительную, потрясающую душевную и физическую силу человека» хочет, работая над книгой, Арсентий Клок, герой повести «В поисках синекуры», давшей название сборнику.

И особой симпатией автора (да и читателя тоже) пользуется человек, внутренне богатый, щедрый и цельный, Евсей Иванович Ивантьев, главный герой повести «Поздние хлопоты».

Неторопливо и обстоятельно рассказывая о том, как недавний рыбак, выйдя на пенсию, обживает и обустраивает давно оставленный отчий дом в родной деревне, автор словно бы его глазами так же неторопливо и обстоятельно приглядывается к тому, что происходит в этой деревне сейчас, четко отличает «крепкого хозяина» деда Ульку, чья корова весь хутор молоком поит, от бывшего фельдшера Борискина, трудяги, конечно, но собственника, который «на рынок работает».

А наиболее приятен и автору, и его герою самый молодой здесь, Федя Софронов, мелиоратор, «сельский житель времен НТР, знающий любую технику, умеющий работать с наслаждением, если, конечно, работа нужна, полезна себе, другим».

За такими — будущее села, и уж, разумеется, не за теми, кто, подобно старухе из рассказа «Говорушки-говорки», требует от «несознательного из городу», чтобы «шефом поработал, картоху помог посадить»...

Невозможно да и не нужно пересказывать содержание всех семи произведений, составивших новую книгу Анатолия Ткаченко. Хочется посоветовать прочитать ее, подумать вместе с автором, а может быть, в чем-то и поспорить с ним. Бесспорно одно: никто не останется равнодушным к этой по-настоящему хорошей прозе.

Н. ЦВЕТКОВА

Анатолий Ткаченко. В поисках синекуры. Повести и рассказы. М., «Современник». 1985. 364 с.

среди книг

КОРЕНЬ УДАЧИ

В книге Николая Доризо «Звенья» собраны в основном поэтические миниатюры. Они посвящены самому широкому кругу вопросов, в том числе и проблемам творчества.

Поэт убеждает: «Нельзя поэту многословиться. Поэт, будь кратким, как пословица». Отсюда его страстное желание: «Мне емкость хочется воспеть как целомудрие таланта». Не потому ли он сам стремится в книге «Звенья» высказываться лапидарно, только по существу, без лишних слов. Это, безусловно, объясняется богатым жизненным опытом и профессиональным умением.

В книге «Звенья» можно встретить немало раздумий Н. Доризо о прошлом, о великих исторических деятелях, о связи времен и преемственности поколений. Характерно признание автора:

История,
ты возраст мой.
Ты разум мой тысячелетний.

Если мы вспомним и другие произведения Н. Доризо — поэмы «В России Ленин родился», «Место действия — Россия» о Пугачеве, «России первая любовь» о Пушкине, «Андрей Желябов», то увидим четкую связь между увлечением автора историей и содержанием его последних книг. В поэмах Доризо вызывает читателей на размышления, стремится постигать через историю современные проблемы. Приобретенные в этом жанре навыки полемиста, психолога, аналитика он затем прекрасно использовал в «Звеньях».

Автор интересно размышляет также о смысле жизни, о чести и достоинстве человека, о любви и природе.

Мир природы поэт рассматривает не только как неотъемлемую часть жизни современника, но и человека в грядущем тысячелетии. Отсюда его вызов потребительским настроениям. «Легко потомка грабить своего,— пишет он.— Ты не поможешь — кто ему поможет? Ведь за себя он постоять не может».

Миниатюры Николая Доризо, безусловно, актуальны. Они бичуют недостатки, помогают воспитывать в людях добро и ответственность. И в трудную минуту мы можем обратиться к советам поэта, собранным в «Звеньях»:

Даже бедой
не спеши
пренебречь.
Жизнь —
как решенье задачи.
Из неудачи
Сумей ты извлечь
Корень удачи.

В. ОГРЫЗКО

Николай Доризо. Звенья. Стихи. М., «Советский писатель», 160 стр.

Старый Арбат еще только родился в своем новом обличье, а уже становится символом сплетения традиций и современности, своим ярким колоритом он привлекает людей и серьезных, и веселых.

Наверное, поэтому именно здесь, на Старом Арбате, была разыграна юморина в День смеха 1 апреля. Она возродила и дух старинных русских ярмарок с балаганами, скоморохами, ряжеными. Были тут и гусары — непременные участники многих веселых и рискованных проделок. Были и герои, совсем близкие нам,— Остап Бендер с Антилопой Гну. И наши современники — артисты и просто горожане, умеющие и любящие пошутить.

И так хочется, чтобы праздники юмора на Арбате стали новой доброй традицией.

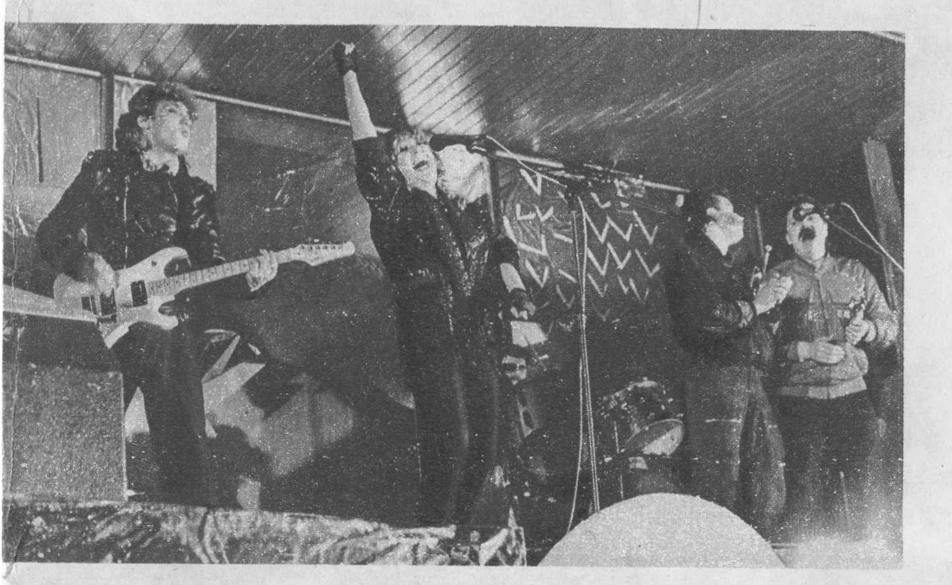
И. ТОЛКАЧЕВА

Фото А. БОЧИНИНА

ШУТКИ

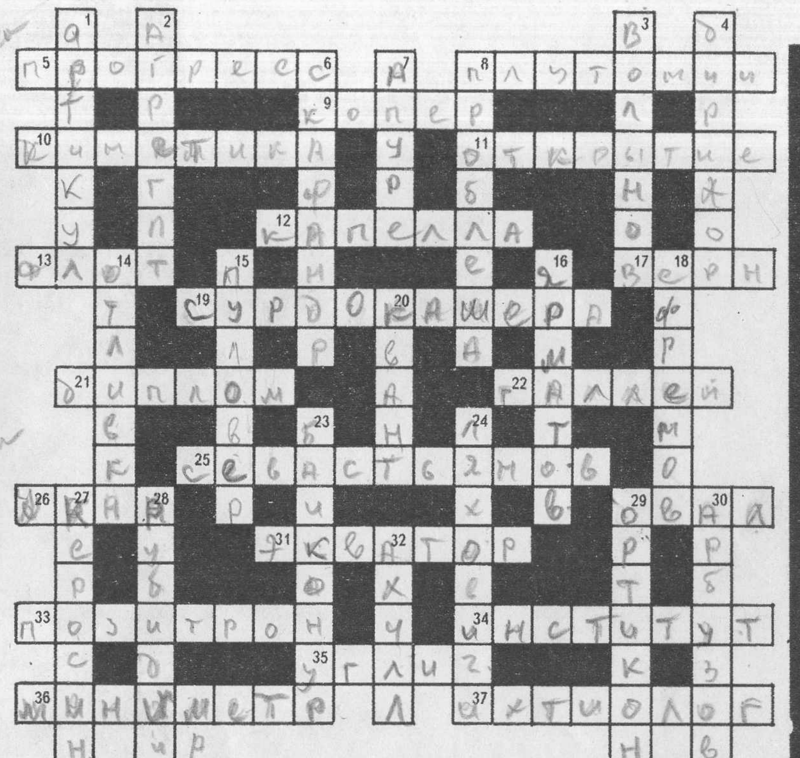
СТАРОГО

АРБАТА

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Транспортный космический корабль. 8. Радиоактивный химический элемент. 9. Сооружение над шахтным стволом. 10. Раздел механики. 11. Новое научное достижение. 12. Яркая звезда в созвездии Возничего. 13. Крупное соединение боевых кораблей. 17. Французский писатель-фантаст. 19. Помещение для подготовки космонавтов. 21. Документ об окончании вуза. 22. Астроном и геофизик, доказавший периодическое появление комет. 25. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 26. Малая планета. 29. Выпуклая замкнутая кривая. 31. Большой круг небесной сферы. 33. Античастица. 34. Научно-исследовательское учреждение. 35. Город в Ярославской области. 36. Измерительный стрелочный прибор. 37. Специалист, изучающий рыб.

По вертикали: 1. Тип изделия, товара. 2. Машины, работающие в комплексе. 3. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 4. Музыкант, управляющий исполнением оркестра, хора. 6. Герметическое снаряжение космонавта. 7. Река в Венесуэле. 8. Вопрос, требующий изучения, разрешения. 14. Заготовка из металла. 15. Трикотажная фуфайка. 16. Актер и режиссер кино, Герой Социалистического Труда. 18. Писатель, палеонтолог, автор романа «Туманность Андромеды». 20. Научно-популярный журнал для старшеклассников. 23. Космодром. 24. Город в Брестской области. 27. Реактивное топливо. 28. Химический элемент, металл. 29. Передающая телевизионная трубка. 30. Химик-органик, академик, лауреат Ленинской премии. 32. Один из героев «Илиады».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

По горизонтали: 3. Челябинск. 7. Педиатр. 8. Бобслей. 9. Иллюминатор. 13. Металл. 14. Гротеск. 16. Монтаж. 17. Гладиолус. 18. Фурнитура. 22. Кодоры. 23. Диктант. 24. Иридий. 25. Турчанинова. 28. Гуттузо. 29. Спондей. 30. Полиспаст.

По вертикали: 1. Ментол. 2. Эскорт. 4. Бадминтон. 5. Реферат. 6. Черешня. 9. Иллюзионист. 10. Романистика. 11. Хетагуров. 12. Направник. 14. Готланд. 15. Кварцит. 19. Котангенс. 20. Шолапур. 21. Пиренеи. 26. «Разлом». 27. Отпуск.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Юрий Алексеевич Гагарин.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Старт. (См. в номере материалы к 25-летию первого полета человека в космос.)

Фото А. МОКЛЕЦОВА

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото—212-20-19; Оформления —212-15-77; Писем и массовой работы —212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 24.03.86. Подписано к печати 08.04.86. А 00664. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 845. Заказ № 2564.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

вернисаж «огонь

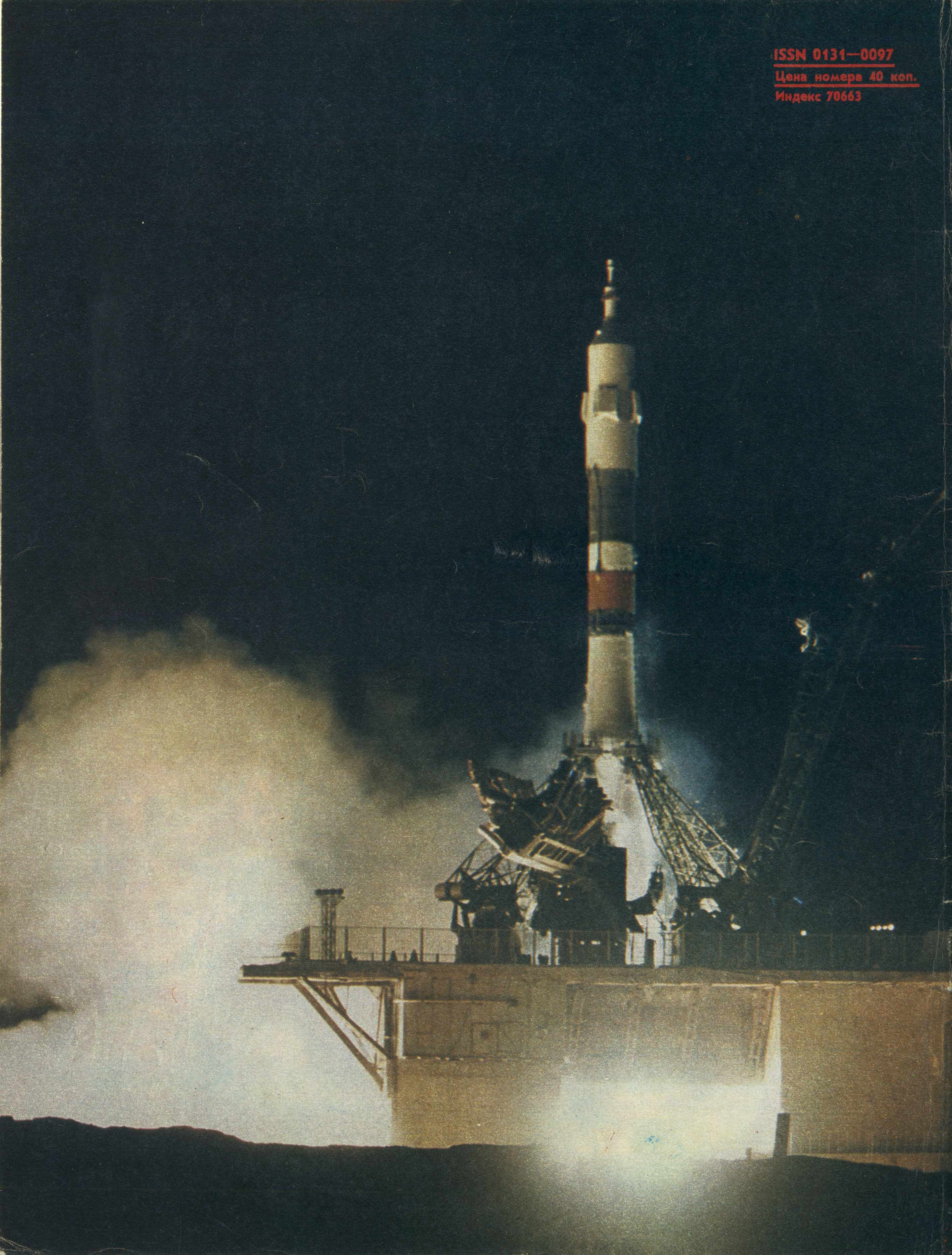
Воскресная прогулка. Фото М. ЖИЛИНСКОГО. Минск.

Лисички-сестрички. Фото Ю. ХВАСТУНОВА. Сумы.

Девчонка с нашей улицы. Фото С. ПОСТАНОГОВА. Пермь.

к а»

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663